

ЛУЧШИЕ БИОГРАФИИ

АЛЕКСЕЙ ШИШОВ

НИКОЛАЙ I

Лучшие биографии

Алексей Шишов

Николай I

«ВЕЧЕ»

2019

Шишов А. В.

Николай I / А. В. Шишов — «ВЕЧЕ», 2019 — (Лучшие биографии)

ISBN 978-5-4484-8228-1

Образ императора Николая I разнолик. Его можно описывать как всевластного самодержца или монарха с трагической судьбой, как «жандарма Европы» или создателя новой модели чиновничьего управления державой. И во всем этом царствующий Романов для отечественной истории спорен. Автор этой книги, военный историк и писатель А.В. Шишов, не берется судить своего героя. Он показывает Николая I из династии Романовых как действительно великого государственника, за время царствования которого Россия не знала ни одного года без войны.

ISBN 978-5-4484-8228-1

© Шишов А. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Основные Государственные Законы Российской Империи	6
Слово от автора	7
Глава 1. Младший Павлович (или Романов 3-й), которому никак не светила корона Российской державы	9
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Васильевич Шишов

Николай I

© Шишов А.В., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Основные Государственные Законы Российской Империи

1

Императору Всероссийскому принадлежит Верховная самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает.

Особа Государя Императора священна и неприкосновенна.

Императорский Всероссийский Престол есть наследственный в ныне благополучно царствующем Императорском Доме.

С Императорским Всероссийским Престолом нераздельны суть Престолы: Царства Польского и Великого Княжества Финляндского.

Император, Престолом Всероссийским обладающий, не может исповедовать никакой иной веры, кроме Православной.

Избранные статьи

Свода Основных Государственных Законов

Российской Империи.

1906 год

Слово от автора

В середине XIX столетия в Российской империи почти 28 лет царствовал действительно великий государь – Николай I, наследовавший корону Романовых от младшего брата, не менее значимого для отечественной истории монарха Александра I. Он по-своему оценивал свою державную миссию, стремясь сохранить и приумножить величие Отечества. Шел к намеченной цели действительно трудным путем самодержца, добываясь успехов и терпя поражения, взойдя на престол и уйдя из жизни под пушечные залпы.

Николай I стал государем в критические для империи Романовых дни. Ее основы были готовы поколебать с оружием в руках дворяне-заговорщики, члены тайных обществ декабристов. События 1825 года привели к пролитию крови на Сенатской площади в Санкт-Петербурге. Впервые в истории самодержавной России против ее устоев выступили дворяне – сословная опора монархического строя. Это побудило новоявленного императора приступить к созданию государства с чиновничьим управлением, пришедшем на смену дворянскому.

Единых суждений о его личности и правлении нет и не может быть. «Время Николая I – эпоха крайнего самоутверждения русской самодержавной власти... в самых крайних проявлениях его фактического царствования и принципиальной идеологии», – писал историк А.Е. Пресняков. Эмигрант А.И. Герцен называл Николая I «жандармом Европы», мыслитель Н.А. Добролюбов – «удавом, 30 лет душившим Россию».

Фрейлина А.Ф. Тютчева, современница императора, именовала его «Дон Кихотом самодержавия». Философ А.И. Ильин писал о Николае I как о «рыцаре монархической идеи, сумевшем удержать Российскую империю на путях ее самобытного развития». Столь же высокую оценку давал личности царя просветитель К.Н. Леонтьев: Николай I «был призван задержать на время всеобщее разложение, имя которому революция».

Сам же всероссийский император Николай Павлович из Романовых говорил о задачах своего долгого царствования следующее: «Революция стоит на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни, пока я буду императором».

Царственное слово он действительно сдержал. После восстания декабристов государство больше не испытывало внутренних потрясений, поскольку любое инакомыслие жестоко каралось. Более того, николаевская Россия стала настоящим «жандармом Европы», силой оружия подавив революции в Польше и Венгрии. Однако политическая реакция во внутренней жизни державы удивительно сочеталась с золотым веком отечественной культуры.

Самодержец Николай I так и не смог найти возможности отмены крепостного права, самой большой беды отечественного бытия. Но в годы его правления русская промышленность успешно развивалась, правда, слабела общепризнанная в Европе военная мощь Российского государства, сокрушившего в начале XIX века державу императора французов Наполеона I Бонапарта.

На николаевское царствование пришлось немало войн, в которых русское оружие не знало поражений, – войны с Турцией и Персией, Польский и Венгерский походы, Кавказская война. Иначе говоря, при Николае I Россия не знала ни одного мирного года. Но когда ей пришлось столкнуться с коалицией европейских держав в ходе Восточной (или Крымской) войны 1853–1856 годов, то ее ожидало обидное поражение, понесенное не на поле брани, а на дипломатическом поприще.

Большая европейская война показала социально-экономическую отсталость России в столкновении с передовыми государствами в их развитии в лице Великобритании и Франции, к тому же имевшими союзников. Русская армия и флот продемонстрировали техническое бессилие перед союзными армиями, которое уже не компенсировалось патриотизмом и мужеством русского воинства.

Империя эпохи царствования Николая I – интереснейшие страницы отечественного исторического летописания. Они насыщены многими действительными событиями, победами и поражениями, человеческими свершениями, именами выдающихся личностей. И на всех этих страницах доминирует одна фигура – Государь. Он же Самодержец и Человек. Как тут не вспомнить старую поговорку: «Царь – всему голова». К вышесказанному хочется добавить простую истину: изучение Николаевской эпохи давно уже стало частью интеллектуального развития гражданина Российского государства.

Образ императора Николая I разнолик. Его можно описывать как всевластного самодержца или монарха с трагической судьбой, как «жандарма Европы» или создателя новой модели чиновничьего управления державой. И во всем этом царствующий Романов для отечественной истории спорен. Автору же хотелось показать образ Николая I из династии Романовых как действительно великого государственника, за время царствования которого Россия не знала ни одного года без войны.

А.В. Шишов, военный историк и писатель

Глава 1. Младший Павлович (или Романов 3-й), которому никак не светила корона Российской державы

Родители и их заботы о сыне. Юность. Жестокое воспитание. Становление характера будущего самодержца. Неистребимая любовь к армии. Судьба великого князя. Братья Павловичи

Николай I Павлович, первый в русском царском доме Романовых (и в великокняжеских семьях начиная со святого Владимира), нареченный таким именем, родился без четверти четыре утра 25 июня 1796 года. (Здесь и дальше все даты даются по старому стилю. – А.Ш.) Он появился на свет в Царском Селе, в загородном императорском дворце. Екатерина Великая, счастливая бабушка (это был уже девятый продолжатель рода Романовых), благословила его со словами: «Экий богатырь». Стоящий рядом православный священник благословил появление на свет нового Романова, судьба которого тогда всем виделась весьма туманной: третий сын наследника престола шансов на императорскую корону, в чем мало кто сомневался, не имел никаких.

Появление на свет нового великого князя Романова жителям Царского Села и местному гарнизону стало известно по пушечной пальбе и колокольному звону. В Санкт-Петербург был тут же отправлен вестник, которого там уже ждали.

В полдень в царскосельской придворной церкви состоялось торжественное молебствие. Присутствовали императрица и весь двор. После молебствия вельможи и сановники рангом ниже, допущенные «к руке» Екатерины Великой, принесли ей поздравления, которые она принимала весьма благосклонно: внуков она любила. На этом в тот день торжества во дворце не закончились: был дан званый обед «на 64 куверта».

О рождении очередного внука императрица Екатерина II не промедлила отписать по-французски своему постоянному корреспонденту и доверенному лицу барону Гримму. В письме от того же дня 25 июня сообщалось следующее:

«...Сегодня в три часа утра мамаша родила большущего мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него бас, а кричит н удивительно; длиною он аршин без двух вершков, а руки немного меньше моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря. Если он будет продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колоссом. Мне кажется, что у него судьба повелителя, хотя у него два старших брата».

Здесь уместно заметить, что аршин составлял 0,711 метра, а вершок – 0,0444 метра. Появившийся на свет младенец был действительно большим и ростом, и весом, что давало оправдавшиеся надежды на его физическую крепость, что так и было. Прозорливая императрица Екатерина Великая угадала: Николай действительно перерос своих братьев.

Уже после таких частных изъявлений радости о рождении еще одного внука матушка государыня оповестила о том Российскую империю в высочайшем манифесте, «печатанном в Петербурге при Сенате» 9 июля:

«Божиею Милостию
Мы, Екатерина Вторая,
Императрица и Самодержица Всероссийская,
и прочая, и прочая, и прочая
Объявляем все верным нашим подданным:

В 25-й день июня Наша любезная невестка Великая Княгиня разрешилась от бремени рождением Нам внука, а Их Императорским Высочествам сына, нареченного Николаем.

Такое Императорского Дома Нашего приращение приемлем мы вящим залогом благодати Всевышнего, на Нас и Нашу Империю обильно изливаемой, и потому, возвещая о сем Нашим верным подданным, пребываем удостоверены, что все они соединят с Нами усердные к Богу молитвы о благополучном возрасте новорожденного и преуспевании во всем, что к расширению славы Дома Нашего и пользы отечества служить может. Повелеваем в прочем во всех делах, где приличествует, писать и именовать сего любезного Нам внука Его Императорским Высочеством Великим Князем.

Дан в Царском Селе, июля 6-го в лето от Рождества Христова 1796-е, Царствований же наших Всероссийского в тридесять пятое и Таврического в третье на десять.

На подлинном подписано собственною Ее Императорского Величества рукою тако: «Екатерина».

Крещение малыша состоялось 6 июля в присутствии всего семейства Романовых. Восприемниками его из купели стали старшие брат и сестра – Александр (будущий император Александр I) и великая княжна Александра Павловна.

Современники обратили внимание на данное младенцу имя, строя самые противоречивые предположения на сей счет. Но в православии был особо почитаемый на Руси святой Николай-угодник: так что родители при выборе имени сыну, думается, особо не мудрствовали. Не обошлось здесь, конечно, и без участия царствующей бабушки.

После окончания литургии на новорожденного, вернее – на его пеленки, торжественно возложили знаки высшей орденской награды Российской империи – крест, звезду и ленту Святого апостола Андрея Первозванного. Этим орденом при рождении наградились все великие князья Романовы: то была их династическая привилегия.

Обряд крещения маленького Павловича дал повод устроить во дворце еще один парадный обед, но уже «на 174 osoby». Вечером состоялся придворный бал, продолжавшийся до десяти часов вечера. Он как бы подвел черту царскосельским торжествам в семье Екатерины II по случаю появления на свет еще одного ее внука. Восторженных поздравлений она получила намного больше, чем родительская чета. Удивительного в том тогда не виделось.

Императрица, будучи в любимом ею Царскосельском дворце, навещала мать и младенца каждодневно, интересуясь всякими мелочами и во всем требовательно опекая внука. Она не перестает им восхищаться, сообщая через две недели после его появления на свет еще в одном письме «в Европу» следующее:

«Николай вот уже три дня как ест кашу и хочет есть постоянно; мне кажется, что никогда еще ребенок восьми дней от роду не ел подобной пищи; это нечто небывалое... если так будет продолжаться, я думаю, что в шесть недель его отнимут от груди. Он смотрит на всех и поворачивает голову, совсем как я».

Прибавление в семье великого князя Павла Петровича, наследника всероссийского престола, и его второй супруги Марии Федоровны (принцессы Вюртембергской Софии-Доротеи-Августы-Луизы) отмечалось в екатерининской державе с торжеством размахисто. Был и колокольный звон в столичных храмах и монастырях, затем по всей Российской державе. Были пушечные залпы со стен бастионов Петропавловской крепости, депутации в Зимний дворец дипломатов, аккредитованных в Санкт-Петербурге, прощение каких-то торговцев запрещенными книгами и оды придворных стихотворцев.

Среди них, разумеется, отличился корифей поэтического дела царедворец Гавриил Державин. Среди его стихотворных строк, посвященных появлению на свет будущего императора Николая I, были, между прочим, и такие:

...Дитя равняется с царями.
Родителям по крови,
По сану – исполин,
По благодати, любви,
Полсвета властелин.
Он будет, будет славен,
Душой Екатерине равен.

Придворный стихотворец по внушению написал нечто пророческое. Через полгода ушла из жизни Екатерина Великая, которая любила всех своих внуков по-матерински нежно, пеклась о них в большом и малом...

Сам император Николай I в собственноручных «Воспоминаниях о младенческих годах» о своем появлении на свет записал следующее:

«Говорят, мое рождение доставило большое удовольствие, так как оно явилось после рождения шести сестер подряд и в то время, когда родители мои перенесли чувствительный удар вследствие несостоявшегося бракосочетания старшей из моих сестер – Александры с королем Шведским Густавом-Адольфом...

Причиной несостоявшегося брака было, говорят, упрямство короля, который ни за что не хотел согласиться на то, чтобы сестра моя имела при себе православную часовню... Это было очень жестоким ударом для самолюбия Императрицы (Екатерины II).

Сестра моя была уже причесана, все подруги ее в сборе – ожидали лишь жениха, когда пришлось все это остановить и распоряжения отменить. Все, которые были этому свидетелями, говорят, что это событие чуть не стоило жизни Императрице, с которой приключилось потрясение, или апоплексический удар, от которого она уже более не могла оправиться».

У историков есть мнение, что самоуверенный шведский король, не пожелавший иметь рядом с собой супругу православного вероисповедания, «расписался» под своим будущим. Свергнутого монарха, как пишет Николай I, «впоследствии так жестоко преследовала судьба, лишив его даже престола и наследия его предков; она обрекла его на прозябание без пристанища, скитание из города в город, нигде не позволяя остановиться надолго, и разлучила с женой и детьми».

Сразу после крещения третьего сына, прошедшего в Придворной церкви Царского Села, великий князь Павел Петрович с легким сердцем оставил покои нелюбимой матери и уехал в «свой» Павловск, чтобы там вновь окунуться в стихию воинских экзерциций, парадов, разводов караулов и строевых смотров местного гарнизона. Жена же его 37-летняя Мария Федоровна осталась в Царском Селе: ребенком занимались свекровь и тщательно отобранные лично императрицей няни.

Екатерина Великая питала открытое отвращение и нелюбовь к своему сыну Павлу Петровичу, видя в нем много черт, унаследованных от своего отца Петра III, свергнутого венценосной супругой с законного престола и закончившего свою жизнь подвыпившим за карточным столом на мызе Ропша. Государыня, относясь так к наследному великому князю, обожала

лишь внуков: появление каждого из них на свет вызывало у бабушки обильные слезы умиления.

Восхищаясь еще одним внуком, Екатерина II прекрасно понимала, что у него нет ни малейшего шанса взойти однажды на всероссийский престол в императорской короне, специально сотворенной талантливыми придворными ювелирами по его голове. Он не мог быть в этом соперником старшим братьям – ни 19-летнему Александру, ни 17-летнему Константину, которые, по воле бабушки, уже завершали полный курс обучения цесаревичей в ранге великих князей Павловичей. Право наследования трона было за ними, если в ход жизни, разумеется, не вмешается «его величество случай». Тогда никто не мог предвидеть декабрь 1825 года, когда на Сенатской площади произошли знаковые для истории империи династии Романовых кровавые события.

Екатерина II, как великая государыня, прозорливо понимала, что ее сын Павел не достоин престола «ее» Российской империи. В этом она не обманывалась. Ее самым заветным желанием было то, чтобы после своей смерти трон перешел не к сыну, «этому безумцу, который хочет приучить Россию к прусской дисциплине», а к старшему из внуков, любимому Александру. Она видит в нем будущего «прекрасного, благородного и терпимого» монарха, который способен продолжить дело ее жизни.

Императрице было уже шестьдесят семь лет, хороший преклонный возраст для той эпохи, и она чувствовала, что силы неумолимо оставляют ее. Преследуемая такой мыслью, Екатерина Великая готовит манифест, лишаящий сына Павла Петровича права наследования престола в пользу повзрослевшего внука Александра. Считается, что она хотела обнародовать его 24 ноября 1796 года, в Екатеринин день. Но не успела этого сделать, скончавшись 5 ноября.

Считается, что великий князь Александр Павлович знал содержание этого екатерининского манифеста. Но у него «не хватило храбрости воспользоваться им, и он предает себя воле отца». Вполне возможно, что и тот знал такую волю проклинаемой им венценосной матери, мучаясь долгим ожиданием дня собственного воцарения.

Августейшая бабушка с июня по ноябрь 1796 года держала новорожденного внука при себе. Но она уже была больна, родник жизни ее иссякал. Екатерина II, однако, самолично выбрала няню для малыша и кормилицу – «крестьянку, московскую славянку». Ею стала красносельская крестьянка Евфросинья Ершова, отличавшаяся здоровьем и любовью к малым детям.

Первой воспитательницей маленького великого князя стала его няня Евгения Васильевна Лайон, родом из Шотландии (которую порой ошибочно называют англичанкой), протестантка по вероисповеданию, «взятая от генеральши Чичериной». Она учила малыша крестить лоб и читать молитвы «Отче наш» и «Богородицу». Николай Павлович сохранил о своей няне самые добрые воспоминания, помня ее ласку и заботу. Избранница бабушки и стала тем человеком, который начал формирование характера будущего венценосца Российской державы. Евгения Лайон была «фанатично привязана к ребенку».

У детской кровати ночные дежурства с бдением несли преданные матушке государыне придворные дамы подполковница Екатерина Синицына и надворная советница Екатерина Панаева вместе с «и не более и не менее как четыре горничных для услуг». Так что пеленки младенцу сразу же менять и стелить было кому. Когда малыш подрос, няни и горничные в ночных дежурствах у его кровати стали чередоваться. Числом их стало меньше. В числе прислуги малыша значились еще два камердинера, два камер-лакея и восемь (!) истопников.

Затем к маленькому мальчику представили двух других воспитательниц. Это были: статс-дама матери графиня Шарлотта Карловна Ливен, урожденная Гаугребен (впоследствии княгиня), и гувернантка вдовья полковница Юлия Федоровна Адлерберг, урожденная Багговуд. Таково было женское окружения Николая в первые четыре года его жизни. Он называл гра-

финю Ливен «образцом неподкупной правдивости, справедливости и привязанности к своим обязанностям», которую дети императора Павла I «страшно любили».

Няня шотландка Евгения Лайон оставалась при маленьком Николае до его семилетия. Современники отмечали ее характер «смелый, решительный и благородный». Сам Николай Павлович, привязавшийся к ней, называл мисс Лайон «няней-львицей».

Военный историк старой России генерал-лейтенант Н.Ф. Дубровин в своей работе «Несколько слов в память императора Николая I», увидевшей свет на страницах «Русской старины», указывал, что самодержец всея Руси заимствовал от своей няни «прямоту, рыцарское благородство и твердость в поступках». Действительно, Евгения Лайон являлась в его детстве «единственной руководительницей», сумев установить с мальчиком доверительные отношения.

Историки считают, что Евгения Лайон «передала» маленькому воспитаннику и что-то из свойственных ей «предрассудков». Будучи в 1794 году в мятежной Варшаве, она натерпелась страхов во время восстания Костюшко и потому навсегда возненавидела поляков, подвергших ее жизнь опасностям. Это чувство няни внушила и маленькому великому князю. Она же дала ему первые понятия о долге и чести Романовых.

Тот же историк Дубровин писал, что «мисс Лайон, учившая ребенка русской азбуке, по видимому, не совсем успешно, потому что до шестилетнего возраста великий князь Николай Павлович знал только 13 букв, которые и старался применить к словам, конечно, безуспешно». В шесть лет такой ребенок должен был уже читать и считать. Должен был, но такое не получилось.

Объясняется это весьма прозаично. Три женщины-воспитательницы, три иностранки – Евгения Лайон, Шарлотта Ливен и Юлия Адлерберг – плохо говорили по-русски. И акцент у этих придворных дам был разный. В остальном упрекнуть их было никак нельзя: отданного им на воспитание малыша они по-матерински любили и от его требовательной венценосной бабушки упреков не получали.

Общаясь с гувернантками, маленький Романов проникается полунемецкой-полуанглийской моралью, пуританство которой так контрастирует с добродушием, простотой и вседозволенностью, принятыми в русских семьях. Он учится следить за собой, постоянно контролировать себя, никогда не терять самообладания, уметь скрывать чувства и обиды. Слезы считались слабостью даже для его маленьких сестер, а их у него было шестеро – Александра, Елена, Мария, Екатерина, Ольга и Анна. Играть же ему приходилось с братом Михаилом и младшей сестрой, которая была его старше на один год. Товарищами по играм были дети придворных вельмож – маленькие граф Адам де Вюртенберг, Витингхоф, Адлерберг...

Родительница императрица Мария Федоровна, как ни странно, не очень была ласкова с младшими («поздними») сыновьями, чего нельзя сказать о ее большой материнской заботливости о старшем, цесаревиче Александре. Именно он должен был наследовать корону династии Романовых и продолжить царственный род. Его к этому и готовили самым серьезным образом, что являлось династической традицией. Не забывался и сын Константин, который мог в силу каких-то трагических обстоятельств занять трон старшего брата. Мать по отношению к младшим детям была ответственно строга и держалась с ними отстраненно, чему есть свидетельства.

Анри Труайя писал об императрице Марии Федоровне и ее венценосном супруге следующее: «У Павла I, поглощенного военными парадными и совещаниями с министрами, совершенно нет времени заниматься многочисленной семьей. Царица настолько увлечена благотворительной деятельностью и приемами, что порой тоже забывает о материнских обязанностях. Она только что родила четвертого сына, Михаила, который на два года моложе Николая. Родив десятерых детей, Мария Федоровна полагает, что успешно справилась со своим женским долгом и по отношению к мужу, и по отношению к России. Сдерживаемая суровым воспитанием,

она не позволяет себе проявлений нежности и довольствуется тем, что видит своих чад во время специальной «аудиенции», четверть или полчаса в день.

Маленькие Николай и Михаил страшатся этой холодной, чопорной женщины, которую все хвалят за доброту, но она отказывает детям в малейшей ласке. Зато они очень любят бывать в комнате отца...»

Отец же, император Павел I, был ласков и заботлив со всеми своими детьми. Каждый день маленьких приносили к нему, и он, любясь ими, называл их своими «барашками». Он словно восполнял не доставшееся тепло своего собственного одинокого детства, не испытывая в малолетстве ласки венценосной матери, которая при его совершеннолетию «лишила» сына законного престола. Но на личное воспитание сыновей времени у него во все дни недели находилось мало, что не мешало, однако, баловать их подарками. Маленькому Николаю родитель однажды подарил золоченую коляску с парой шотландских вороных лошадок и жокеем.

Можно считать, что Павел I старался привить сыновьям интерес к военной службе. Характерно, что первой игрушкой, купленной родителями Николаю, как это явствует из семейной приходно-расходной книги (такие велись у Романовых), было деревянное ружье, приобретенное в августе 1798 года за 1 рубль 50 копеек. Затем ему купили четыре деревянные шпаги. «Арсенал» маленького мальчика старательно пополнялся подобным оружием и военной амуницией.

В год рождения сына, в декабре, отец-самодержец назначил его шефом лейб-гвардии Конного полка, имя великого князя Николая Павловича было присвоено первому батальону полка. (Тогда эскадроны назывались батальонами.) Тогда же маленький Павлович получил по должности свое первое жалованье – 1105 рублей. Впервые специально пошитый для него мундир конногвардейцев он надел в апреле 1799 года. Словом, военный обиход окружал будущего всероссийского самодержца с самых первых шагов.

По возвращении сына Константина из суворовского Итальянского похода 1799 года император «перевел» его в этот полк, а младшего трехлетнего Николая – тем же шефом в 3-й гвардейский (Измайловский) полк «в обмен с братом». (1-м и 2-м гвардейскими полками традиционно являлись петровские «потешные» Преображенский и Семеновский.)

В 1800 году император Павел I избрал в воспитатели своих младших сыновей Николая и Михаила Матвея Ивановича Ламздорфа, бывшего прежде директором 1-го Кадетского корпуса (Сухопутного шляхетского кадетского корпуса), переименованного в генерал-лейтенанты из тайных советников, участника двух екатерининских турецких войн. И что было немаловажным для родителя, Ламздорф два года командовал Казанским кирасирским полком и побывал на посту губернатора Курляндии. При императоре Александре I он станет генералом от инфантерии, членом Государственного совета и получит графский титул.

Однако Ламздорфу такая перспектива близости к императорской чете не улыбалась. «Изменчивый» в настроении монарх то и дело кого-то арестовывал, разжаловал и ссылал. Это касалось прежде всего придворных и людей военных. Опальные люди наполняли казематы Петропавловской крепости, гарнизонные гауптвахты, высылались в отдаленные города и собственные деревеньки, а порой и в такую далекую от столицы Сибирь.

Царедворец попытался ускользнуть от такой действительно большой при дворе чести быть воспитателем великих князей. Самодержцу это не понравилось, и он сказал Ламздорфу, два года назад отправленному в отставку, достаточно строго и требовательно:

«Если вы не хотите взяться за это дело для меня, то вы обязаны исполнить это для России, одно только скажу вам – чтобы вы не сделали из моих сыновей таких шалопаев, каковы немецкие принцы».

После такого разговора Ламздорфу не оставалось другого выхода, как с благодарностью верноподданного принять новое назначение. Оно давало ему еще больший вес при дворе,

повышенное жалование и нескрываемые от окружающих надежды на то, что кто-то из его малолетних воспитанников в будущем «пойдет в гору». Испытывать же собственную судьбу царедворец дальше не стал. Можно было попасть в опалу со ссылкой не просто в свое родовое имение с обустроенным барским домом, а в самую что ни есть отдаленную деревеньку. Ламздорф досаждал маленьким великим княжатам науками не стал, но с первых дней стал держать их по-прусски в подчеркнутой строгости, что родителю понравилось.

Исследователи сходятся на том, что императорская чета в выборе воспитателя младших сыновей сделала неудачный выбор. По суждениям современников, Ламздорф «не обладал не только ни одной из способностей, необходимых для воспитания особы царственного дома, призванной иметь влияние на судьбы своих соотечественников и на историю своего народа, но даже был чужд всего того, что нужно для человека, посвящающего себя воспитанию частного лица».

Павловичи подрастали, а отец все также урывками занимался их личным воспитанием, с удовольствием играя с ними. Отец и мать баловали вниманием только наследника Александра, что, впрочем, так и должно было быть в царствующих домах Европы и Востока. Николай в «Воспоминаниях о младенческих годах» описывает такие случаи:

«...Во время проходившего на гатчинском дворе парада отец, бывший на коне, поставил меня к себе на ногу.

Однажды, когда я был испуган шумом пикета Конной гвардии, стоявшего в прихожей моей матери в Зимнем дворце, отец мой, проходивший в это время, взял меня на руки и заставил перецеловать весь караул».

Императорский дворец посещали самые разные, по-своему знаменитые люди. Малолетнему великому князю довелось лично знать военного гения генералиссимуса А.В. Суворова-Рымникского, князя Итальянского. Николай I в «Воспоминаниях» с благодарностью за это пишет следующее:

«Одно из последних событий этой эпохи (царствования отца. – А.Ш.), воспоминание о котором будет для меня всегда драгоценным, это удивительное обстоятельство, при котором я познакомился со знаменитым Суворовым. Я находился в Зимнем дворце, в библиотеке моей матери, где увидел оригинальную фигуру, покрытую орденами, которых я не знал; эта личность меня поразила. Я его осыпал множеством вопросов по этому поводу; он стал передо мной на колени и имел терпение мне все показать и объяснить. Я видел его потом несколько раз во дворе дворца на парадах, следующим за моим отцом, который шел во главе Конной гвардии...»

Пребывание на престоле оказалось для «переменчивого» Павла I коротким и неблестящим. В год своей гибели, к 1 февраля, он окончательно переехал в полюбившийся ему Михайловский дворец (замок). У императора было какое-то не самое радостное предчувствие судьбы-злодейки, поэтому из его уст как бы случайно вырвались такие пророческие слова:

«На этом месте я родился, здесь хочу и умереть...»

Причины его насильственного устранения с престола вполне объяснимы. Когда Екатерина Великая ушла из жизни, ее великая державная Россия досталась в управление сыну, так и не получившему жизненного опыта государственного управления. Это, помноженное на неуравновешенный характер Павла I и его пристрастие к прусской военной системе, и стало причиной того, что бывшие екатерининские царедворцы подняли руку на своего государя. А в остальном история версий знает много.

Есть и воспоминания участников и очевидцев покушения на императора Павла I. Один из них, Н.А. Саблуков, описал, как заговорщики, крепко «подогретые» для храбрости вином, ворвавшись в покои государя, совершили цареубийство:

«...Два камер-гусара, стоявшие у двери, храбро защищали свой пост (дверь в спальню императора Павла I), но один из них был заколот, а другой ранен.

Найдя первую дверь, ведущую в спальню незапертой, заговорщики сначала подумали, что император скрылся по внутренней лестнице. Но когда они подошли ко второй двери, то нашли ее запертой изнутри, что доказывало, что император, несомненно, находится в спальне.

Взломав дверь, заговорщики бросились в комнату, но императора в ней не оказалось. Начались поиски, но безуспешно, несмотря на то, что дверь, ведущая в опочивальню императрицы, также была заперта изнутри. Поиски продолжались несколько минут, когда вошел генерал Беннигсен, высокого роста, флегматичный человек; он подошел к камину, прислонился к нему и в это время увидел императора, спрятавшегося за экраном. Указав на него пальцем, Беннигсен сказал: «Здесь», после чего Павла тотчас вытащили из его укрытия.

Князь Платон Zubов, действовавший в качестве оратора и главного руководителя заговора, обратился к императору с речью. Отличавшийся обыкновенно большой нервностью, Павел на этот раз, однако, не казался особо взволнованным и, сохраняя полное достоинство, спросил, что им всем нужно.

Платон Zubов отвечал, что деспотизм его сделался настолько тяжелым для нации, что они пришли требовать его отречения от престола.

Император, преисполненный искреннего желания доставить своему народу счастье, сохранять нерушимо законы и постановления империи и водворить всюду правосудие, вступил с Zubовым в спор, который длился около получаса и который в конце концов принял бурный характер.

В это время те из заговорщиков, которые слишком много выпили шампанского, стали выражать нетерпение, тогда как император, в свою очередь, говорил все громче и начал сильно жестикулировать. В это время шталмейстер, граф Николай Zubов, человек громадного роста и необыкновенной силы, будучи совершенно пьян, ударил Павла по руке и сказал: «Что ты так кричишь!»

При этом оскорблении император с негодованием оттолкнул левую руку Zubова, на что последний, сжимая в кулаке массивную золотую табакерку, со всего размаху нанес правой рукою удар в левый висок императора, вследствие чего тот без чувств повалился на пол.

В ту же минуту француз – камергер Zubова вскочил с ногами на живот императора, а Скарятин, офицер Измайловского полка, снял висевший над кроватью собственный шарф императора, задушил им его. Таким образом, его прикончили».

Совсем иную версию убийства императора Павла I излагает в своих воспоминаниях гвардейский офицер Фонвизин, тоже очевидец покушения. Он писал следующее:

«...Zubов и Беннигсен со своими сообщниками бросились прямо к царским покоем. За одну комнату до Павловой спальни стоявшие на часах два камер-гусара не хотели их впустить, но несколько офицеров бросились на них, обезоружили, зажали им рты и увлекли вон.

Зубовы с Беннигсеном и несколькими офицерами вошли в спальню. Павел, встревоженный шумом, вскочил с постели, схватил шпагу и спрятался за ширмами.

Князь Платон Зубов, не видя Павла в постели, испугался, но Беннигсен, хладнокровно осмотрев горницу, нашел Павла, спрятавшегося за ширмами со шпагою в руке, и вывел его из засады.

Князь Платон Зубов, упрекая царя его тиранством, объявил ему, что он уже не император, и требовал от него добровольного отречения от престола. Несколько угроз, вырвавшихся у несчастного Павла, взорвали Николая Зубова, который был силы атлетической. Он держал в руке золотую табакерку и с размаху ударил ею Павла в висок – это было сигналом, по которому князь Яшвиль, Татаринов, Горланов и Скарятин яростно бросились на него, вырвали из его рук шпагу; началась с ним отчаянная борьба. Павел был крепок и силен; его повалили на пол, топтали ногами, шпажным эфесом проломили ему голову и, наконец, задавили шарфом Скарятина.

В начале этой гнусной, отвратительной сцены Беннигсен вышел в предспальную комнату, на стенах которой развешаны были картины, и со свечкою в руке преспокойно рассматривал их...»

...Цареубийство Павла Петровича в ночь на 12 марта 1801 года потрясло семейство Романовых. Государя лишили жизни в его дворце: это стало делом рук вельмож матери, императрицы Екатерины II. Душой заговора являлся граф Никита Петрович Панин, бывший российский посланник в Берлине и воспитатель... самого государя. В истории такое бывало не раз.

Вторым организатором цареубийства стал генерал Л.Л. Беннигсен, ганноверец на русской службе. О последнем следует сказать, что во время Отечественной войны 1812 года он много интриговал против главнокомандующего М.И. Голенищева-Кутузова, за что и был изгнан из рядов действующей русской армии.

В ту ночь организатора заговора против императора Павла I графа Никиты Панина, одного из самых блистательных екатерининских вельмож, не было в Михайловском замке. «Не желая сам совершать преступления», он «призвал Беннигсена заменить себя». Граф А.Ф. Ланжерон, пользовавшийся неизменным расположением монарха, впоследствии напишет: «...И правда, что без Беннигсена ничего не удалось бы».

...Николаю Павловичу шел тогда уже пятый год; впечатлительный мальчик понимал многое. В его душе сохранилось смутное воспоминание о страшном конце отца, государя России. Когда он подрастет, сцена цареубийства станет известна ему в деталях: монарху изменили близкие к нему лично и к царственному дому люди, вельможи и генералы.

Вечером в тот трагический для Романовых день маленькие великие князя с сестрами играли под наблюдением графини Ливен и нянек. Неожиданно для всех трехлетний Михаил стал играть в углу детской один. Ему задали вопрос: что он делает там? Мальчик ответил, поразив сказанным старших в комнате и испугав их:

– Я хороню своего отца...

В собственноручных «Воспоминаниях о младенческих годах» Николай I так описал утро следующего 12 марта:

«События этого печального дня сохранились так же в моей памяти, как смутный сон; я был разбужен и увидел перед собой графиню Ливен.

Когда меня одели, мы заметили в окно, на подъемном мосту под церковь, караулы, которых не было накануне; тут был весь Семеновский полк в крайне небрежном виде. Никто из нас не подозревал, что мы лишились

отца; нас повели вниз к моей матушке, и вскоре оттуда мы отправились с нею, сестрами, Михаилом и графиней Ливен в Зимний дворец.

Караул вышел во двор Михайловского дворца и отдал честь. Моя мать тотчас же заставила его молчать. Матушка моя лежала в глубине комнаты, когда вошел император Александр в сопровождении Константина и князя Николая Ивановича Салтыкова; он бросился перед матушкой на колени, и я до сих пор еще слышу его рыдания. Ему принесли воды, а нас увели. Для нас было счастьем опять увидеть наши комнаты и, должен сказать по правде, наших деревянных лошадок, которых мы там забыли».

Придя в себя, вдовая императрица Мария Федоровна приводит двух своих младших сыновей к старшему Александру, ставшему императором. Мать сказала ему, указывая на Николая и Михаила:

– Отныне ты их отец!..

...Вечером 11 марта 1801 года, в последний день своей жизни, император Павел I посетил великого князя Николая Павловича в его комнате. При свидании сын императора обратился к своему родителю со странным вопросом, отчего его называют Павлом Первым. Отец ответил:

– Потому что в России не было другого государя, который носил бы это имя до меня.

Маленький великий князь Романов продолжил разговор словами:

– Тогда меня будут называть Николаем Первым?

Ответ родителя оказался предельно кратким и исчерпывающим:

– Если ты вступишь на престол.

После этих слов, «устремив долгое время свои взоры на великого князя, Павел крепко поцеловал сына и быстро удалился из его комнат», как оказалось, навсегда.

К слову говоря, современники, лично знавшие маленького Романова, писали, что он действительно среди своих братьев был достоин короны. Если не говорить о старшем Александре, то следует сказать о цесаревиче Константине, который в официальных документах и церковных службах по всей империи упоминался как наследник престола старшего брата. Но тот же Константин среди своего окружения демонстрировал «природное отвращение к трону». Мемуарист Н.И. Греч отмечал:

«...Соперничества Константина Павловича он не боялся; цесаревич не был ни любим, ни уважаем и давно уже говорил, что царствовать не хочет и не будет. Александр боялся превосходства Николая...»

Вообразите, каков бы был Николай со своим благородным, твердым характером, с трудолюбием и любовью к изящному, если бы его готовили к трону хотя бы так, как приготавливали Александра».

Николай I в своих «Записках», датированных 1831 годом, рассказывает о себе и младшем брате Михаиле, о безрадостном детстве с поразительной откровенностью. Среди прочего, он пишет и такое:

«Мы поручены были как главному нашему наставнику генералу графу Ламздорфу, человеку, пользовавшемуся всем доверием матушки...»

Граф Ламздорф умел вселить в нас одно чувство – страх, и такой страх и уверенность в его всемогуществе, что лицо матушки было для нас второе в степени важности понятий. Сей порядок лишал нас совершенно счастья сыновнего доверия к родительнице, к которой допускаемы были редко одни, и то никогда иначе, как будто на приговор.

Беспрепятственная перемена окружающих лиц вселила в нас с младенчества привычку искать в них слабые стороны, дабы воспользоваться ими в смысле того, что по нашим желаниям нам нужно было, и должно признаться, что не без

успеха. Генерал-адъютант Ушаков был тот, которого мы более всего любили, ибо он с нами никогда сурово не обходился, тогда как граф Ламздорф и другие, ему подражая, употребляли строгость с запальчивостью, которая отнимала у нас и чувство вины своей, оставляя одну досаду за грубое обращение, а часто и незаслуженное.

Одним словом, страх и искание, как избежать от наказания, более всего занимали мой ум. В учении видел я одно принуждение и учился без охоты. Меня часто и, я думаю, не без причины обвиняли в лености и рассеянности, и нередко граф Ламздорф меня наказывал тростником весьма больно среди самых уроков».

Такой откровенный рассказ монарха о своем детстве, о том, как его учили и воспитывали, нельзя отнести к авторским преувеличениям. Писатель Г.И. Чулков, хорошо знакомый с той эпохой, в своей книге «Императоры: Психологические портреты» рассказывает о детских годах государя Николая I следующее:

«Ламздорф бесчеловечно бил будущего императора. Нередко воспитатель пускал в ход линейку и даже ружейный шомпол. Великий князь был строптив и вспыльчив. Нашла коса на камень. И граф Ламздорф иногда в припадке ярости хватал мальчика за воротник и ударял его об стену. Подобные истязания, например наказание шомполами, заносились в педагогические журналы, и гессен-дармштадтская Мария Федоровна была осведомлена о методах воспитания ее сыновей. Она чрезвычайно ценила графа Ламздорфа.

Немудрено, что ласковая и молоденькая мисс Лайон была для мальчиков немалым утешением, но, к несчастью, старик Ламздорф вспыллил страстью к хорошенькой англичанке, и маленькие великие князья были свидетелями странных сцен, происходивших нередко в их детской. Целомудренная няня не желала удовлетворить вожелений старого ловеласа, и Ламздорф преследовал ее всячески, не прощая холодности к его чувству...»

Ламздорфу действительно позволялось многое. Воспитание великих князей Павловичей после насильственной смерти родителя предоставлено было исключительно усмотрению вдовствующей императрицы. Их старший брат Александр, воцарившись, был погружен в государственные дела, и до воспитания младших в семье руки у него доходили совсем не часто.

Как бы там ни было, у маленьких Романовых были свои общие радости. Они очень рано пристрастились ко всему военному – форме и орденам, парадам и разводам караулов, военной истории и батальным картинам. Главной любимой игрой для них были солдатки. Их у детей императора было много – оловянных, фарфоровых, деревянных. Обязательно раскрашенных. Дорогих и не очень, импортных и российского исполнения. Равно как и игрушечного оружия, вплоть до пушек. Они строили крепости и форты, разыгрывали под стенами баталии игрушечных армий. Великие князья учились трубить в трубы, бить в барабаны, подавать сигналы рожками. Рано научились стрелять из пистолетов, для начала из тех, что назывались «дамскими».

От такой военной музыки и холостых выстрелов из пистолетов воспитатель Ахвердов затыкал уши ватой. Но это ему помогало плохо. Даже мать, императрица-вдова Мария Федоровна, в таких случаях беспокоилась: ее страшило то, что чрезмерное увлечение военным делом отразится худо на воспитании младших сыновей Николая и Михаила. Впрочем, их старшие братья Александр (будущий император Александр I) и Константин тоже имели большое пристрастие ко всему военному, к армейской жизни.

Увлечение играми в солдатиков и войну имело и «побочное воздействие» на детей. Когда Николаю было всего шесть лет, он услышал настоящую ружейную пальбу, «так испугался, что

убежал и спрятался куда-то, и его долго не могли найти. Он боялся грозы, фейерверка, пушечных выстрелов...».

Но спустя короткое время и великий князь Николай в десять лет (в 1806 году) сам научился стрелять из армейского пистолета и солдатского мушкета. Страх перед грохотом ружейных выстрелов нестройного залпа прошел сам собой.

Детский период жизни Николая Павловича (1802–1809 годы) интересен тем, что уже тогда у него проявились задатки черт характера, составлявших впоследствии отличительные черты императора Николая I. Великий князь был страшно груб по отношению не только к приближенным и прислуге, но даже к младшему брату и сестре. Также очень рано обнаруживается у него любовь к военной «формалистике» и шагистике, любовь наследственная от отца. Такой же любовью обладал и старший брат августейший Александр, а другой брат – Константин, как замечали современники, смотрелся живым воплощением родителя Павла I.

Образование Николая Павловича действительно не было доведено до конца. Он писал на всех известных ему языках с орфографическими ошибками. Да и сам он не раз говорил, что вместе с Михаилом получил «бедное образование». Но это была уже заслуга не сколько воспитателя Ламздорфа, сколько матери, вдовы-императрицы.

Традиционное для Романовых по мужской линии ответственное пристрастие ко всему военному проявилось у будущего императора Николая I рано. Об этом его биографами написано немало. Так, в «Русском архиве» (№ 6, 1896 год) был напечатан такой эпизод из его детства.

«Однажды, уже при (императоре) Александре Павловиче, в Царском Селе, куда великий князь отправился с Марией Федоровной, узнал он, что Измайловский полк должен был на другой день занимать во дворце внутренний караул. Перед рассветом, когда все еще спали, он поднялся без шума, надел мундир, взял ружье и, никем не замеченный, отправился к покоям Государя. Дверь в комнату была заперта, но часового при ней не было, так как император Александр говорил, что хотел быть охраняем любовью своих подданных. Николай стал на часах с ружьем в руке.

По счастью, Александр Павлович вставал рано. Немало удивился он, увидев своего меньшего брата с ружьем у дверей своих комнат.

– Что ты тут делаешь, любезный Николай? – спросил он, узнав его в таком наряде.

– Вы видите, Государь, – отвечал ему ребенок, отдав честь ружьем, – что я занимаю караул у дверей вашего величества. Полк мой сегодня должен занимать дворец, и я выбрал себе самый почетный пост; я занял его с раннего утра, чтобы его у меня не отняли.

– Хорошо, дитя мое, – возразил Государь, сдерживая улыбку, – но что ты стал бы делать, если б пришел обход: ведь ты не знаешь пароля...

– Ах, и в самом деле, ведь всегда отдается пароль и лозунг, – проговорил озадаченный Николай, – но все равно, – прибавил он, – я не пропустил бы никого, будь это сам Аракчеев, который проходит всюду».

Маленький Романов рано стал усваивать «династическую значимость» венценосцев для монархий. И не только для России. В пять лет он уже умел давать, скажем так, оценку политическим событиям с позиций монархиста, пусть совсем юного, но убежденного. Истории известны его слова, сказанные в 1802 году дю Пеже, преподавателю французского языка:

«Король Людовик XVI не выполнил своего долга и был наказан за это. Быть слабым не значит быть милостивым. Государь не имеет права прощать врагам государства. Людовик XVI имел дело с настоящим заговором,

прикрывавшимся ложным именем свободы; не щадя заговорщиков, он пощадил бы свой народ, предохранив его от многих несчастий».

Такие слова были сказаны еще задолго до пребывания оккупационных русских войск в поверженной Франции, уже бывшей наполеоновской, до создания первых тайных обществ в России и декабрьских событий 25-го года на Сенатской площади Санкт-Петербурга, которые потрясли Российскую империю.

Детство Николая и Михаила прошло в единении занятий, помыслов, успехов и бед. Михаил был самым младшим из Павловичей, братьев и сестер. Может быть, потому он стал общим любимцем большой императорской семьи. С детства живой, веселый и общительный, он привязался к брату Николаю, который был старше его на полтора года. С детства их сплотила крепкая дружба и взаимопонимание. Николай очень ценил преданность Михаила и считал его поведение настоящим примером братской любви и верности. Тот поддерживал столь же добрые отношения и с братом Константином, который отвечал ему взаимностью.

У маленьких великих князей Николая и Михаила был свой традиционный круг сверстников, составленный для их детских игр. Это были дети вельмож и придворных. Подрастая, они составляли дружеское окружение Романовых, так называемый «круг молодых друзей». Николай в таком безропотном окружении был очень груб, шумлив, заносчив и драчлив. Однажды он так сильно ударил ружьем по голове Адлерберга, что у того на всю жизнь остался шрам. Однако и после этого будущий министр императорского двора являлся для великого князя любимым товарищем в детских играх.

Рассказывая в своих мемуарных «Записках» о своих во многом безрадостных детских и юношеских годах, Николай I уже в зрелые годы замечал:

«Таково было мое воспитание до 1809 года, где приняли другую методу. Матушка решила оставаться зимовать в Гатчине, и с тем вместе учение наше приняло еще больше важности: все время почти было обращено на оное. Латинский язык был тогда главным предметом...

Успехов я не оказывал, за что часто был строго наказываем, хотя уже не телесно. Математика, потом артиллерия и в особенности инженерная наука и тактика привлекали меня исключительно; успехи по сей части оказывал я особенные, и тогда я получил охоту служить по инженерной части».

Николай I действительно отменно знал военно-инженерное дело, хорошо разбирался в артиллерии и фортификации. Уже став монархом, он любил говорить про себя:

«Мы, инженеры...»

Когда великому князю Николаю Павловичу исполнилось 14 лет, он вместе с Михаилом по воле старшего брата-венценосца был зачислен в специально для них сформированную в 1810 году из пажей-малолеток лейб-гвардии Дворянскую роту «потешного» характера. Как тут было не вспомнить совсем юного последнего русского царя Петра Алексеевича, ставшего для истории Великим! Он тоже начинал с «потешных».

Великий князь Николай Павлович исполнял в составе этого уникального в военной истории воинского подразделения обязанности последовательно командира полувзвода и ротного адъютанта (начальника штаба роты). В списках лейб-гвардии Дворянской роты он именовался как Романов 3-й. Он очень увлекся «потешной» службой, заключавшейся в несении караулов в Зимнем дворце и в участии в разводах и дворцовых церемониях. Оружие пажи имели, само собой разумеется, не взрослое, но настоящее – колющее и стреляющее.

Четыре года службы в Дворцовой роте оказали большое влияние на становление характера младших братьев Павловичей. Николай, к примеру, любил во многих случаях называть себя «ротным командиром», «ротным». Все людские отношения он был готов постоянно стро-

ить на началах воинской дисциплины, которые «попахивали прусским духом». Не случайно же его отец Павел I восторгался королем Пруссии Фридрихом Великим, величие которого, однако, в Семилетней войне не раз крушилось русским оружием. Победы свои как-то забывались, а вот вымуштрованная фридриховская армия оставалась притягательной для глаз Павловичей на впечатляющих воображении картинках, которые печатались в берлинских типографиях.

Учебные занятия для Николая и Михаила Павловичей под присмотром генерала Ламздорфа продолжались с 1802 по 1814 год. Их не прервала даже «гроза 12-го года», когда светская и армейская офицерская молодежь стремилась всеми правдами и неправдами попасть на войну за Отечество. Младшие Павловича продолжали учиться. В «Военной энциклопедии» И.Д. Сытина о том сказано не красочно, но емко и кратко:

«...Подбор преподавателей гуманитарных наук был не особенно удачен (русская история – Ахвердов, всеобщая история – Дю Ньюже, политическая экономия – Шторх, положительное право – Балугьянский, естественное право – Кукольник), и он (будущий император) ими плохо занимался, относясь с интересом лишь к истории, причем его любимым героем был Петр Великий.

Успешнее Николай Павлович занимался физикой, рисованием (под руководством Шебуева и Кипренского) и гравированием на меди.

С увлечением же Николай Павлович учился военным наукам, преподавателями которых были Крафт (математика и начальная фортификация), генерал Опперман (тактика), полковник Маркевич (артиллерия) и полковник Джанотти (инженерное дело)».

В общем, научное образование Николая Павловича было поставлено неудовлетворительно, и он сам называл его «бедным». Так заключает выше сказанное безымянный автор энциклопедической статьи, знакомый, думается, с мемуарами Николая I не понаслышке, а в подлиннике.

Надо заметить, что преподавателей для младших великих князей Павловичей все же подбирали не из людей случайных. Так, генерал-лейтенант Н.И. Ахвердов в свое время был известным писателем и переводчиком, почетным членом Академии художеств. Живописец и рисовальщик Орест Кипренский еще при жизни стал классикой отечественного портрета. Прекрасного рисовальщика В.К. Шебуева современники называли «русским Пуссеном» (за труды ему будет назначена пожизненная пенсия в тысячу рублей ежегодно). Офицер морской артиллерии А.И. Маркевич до этого успешно преподавал во 2-м кадетском корпусе и был автором известного «Руководства к артиллерийскому искусству»; дослужился до чина генерал-лейтенанта.

Занятия военной историей и военным делом, разумеется, были более привлекательны для младших братьев Павловичей. Будущий император Николай I сам отмечал свое раннее пристрастие к военно-инженерному делу, что и было замечено его старшим братом-венценосцем:

«Математика, потом артиллерия и в особенности инженерная наука и тактика привлекали меня исключительно, успехи по сей части оказывал я особенные, и тогда я получил охоту служить по инженерной части».

Здесь уместно заметить, что Николай Павлович в бытность свою и великим князем, и монархом отличался практическим, рациональным складом ума, который определял его поступки еще с юности. Не случайно историк А.М. Зайончковский отмечал в императоре Николае I следующее:

«Богато одаренный от природы тем практическим умом, который чужд всяких иллюзий и увлечений, великий князь в значительно большей

степени проявлял способность к анализу, чем к творчеству; твердость раз установившихся убеждений в нем очень часто шла в ущерб той гибкости ума, которая неразрывна с легким восприятием новых идей, бесспорно ведущих к прогрессу, но и не чуждых роковых увлечений».

Военное обучение полностью отвечало желаниям подрастающего Николая Павловича. В ходе такого воспитания складывался его характер, очерчивались пристрастия. Известен такой случай. В 1810 году воспитатель Ахвердов, желая внушить мальчику с титулом великого князя мысль, что помимо военного поприща есть все-таки и иные достойные занятия в жизни, задал ему сочинение на тему: «Доказать, что военная служба не есть единственная служба дворянина, но что и другие занятия для него столь же почетны и полезны».

Великий князь молча проигнорировал такое задание, не написав ни одной строки. Когда его стали убеждать, что сочинение надо написать, то получили решительный отказ. Ахвердов был вынужден продиктовать Николаю, которому шел 15-й год, сочинение, что тот молча и сделал, не высказав при этом на бумаге ни одной своей мысли. Преподаватель в таком случае не преминул сообщить о происшествии вдовствующей императрице Марии Федоровне, но та на разговор с сыном не пошла.

Можно говорить о том, что к началу Отечественной войны 1812 года мировоззрение Николая Павловича уже сложилось и в дальнейшем только «дополнялось». Ключевыми понятиями в нем являлись «ответственность» и «долг» перед романовской Российской империей и правящей династией Романовых.

Нашествие наполеоновской Великой армии изменило судьбу России, привычный ход событий. Великие князья Константин, Николай и Михаил Павловичи рвались на войну. Они были морально готовы стать ее волонтерами: такой порыв чести демонстрировали в те дни многие молодые аристократы, не служившие в армейских рядах. Но их старший брат разрешил отправиться в действующую армию только Константину. Младшим в просьбах было отказано: на войне могло случиться всякое, и романовское древо не должно было пресечься по мужской линии. Николай I писал:

«...Настал 1812 год; сей роковой год изменил и наше положение. Мне минуло уже 16 лет, и отъезд государя в армию был для нас двоих ударом жестоким, ибо мы чувствовали сильно, что и в нас бились русские сердца, и душа наша стремилась за ним! Но матушке неугодно было даровать нам сего счастья.

Мы остались, но все приняло округ нас другой оборот; всякий помышлял об общем деле; и нас стало легче. Все мысли наши были в армии; ученье шло, как могло, среди беспрестанных тревог и известий из армии. Одни военные науки занимали меня страстно, в них одних находил я утешение и приятное занятие, сходное с расположением моего духа.

Наступил 1813 год, и мне минуло 17 лет; но меня не отпускали...»

Наконец матушка Мария Федоровна дозволила своим младшим сыновьям отправиться на войну. Великие князья Николай и Михаил, в сопровождении воспитателя графа Ламздорфа, выехали из Санкт-Петербурга в Берлин. Оттуда им предстояло проследовать в немецкий город Гейдельберг, где находилась главная квартира императора Александра I.

Старший брат-венценосец разрешил Николаю и Михаилу прибыть на театр войны тогда, когда она шла уже на территории самой Франции, в 1814 году. По пути в Берлине великий князь Николай Павлович впервые увидел избранницу своей жизни – дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III принцессу Шарлотту-Фридерiku-Луизу-Вильгельмину. Она ему приглянулась, и через три года они обвенчаются, составив в европейской семье монархов еще один династический брак.

Берлин, королевская семья монарха Пруссии тепло встретит юных Романовых. Для европейских дворов они смотрелись завидными женихами. В 1831 году император Николай I напишет в мемуарах (их можно назвать автобиографической запиской) такие строки:

«Тут, в Берлине, провидением назначено было решиться счастью всей моей будущности: здесь увидел я в первый раз ту, которая по собственному моему выбору с первого раза возбудила во мне желание принадлежать ей на всю жизнь. И Бог благословил сие желание шестнадцатилетним семейным блаженством».

Избранницей будущего всероссийского самодержца стала дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III, друга императора Александра Павловича, Фридерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина. Принцесса была моложе великого князя Романова на два года. Она вышла за него замуж в июне 1817 года. Брак был счастлив.

Во время своего первого пребывания в Берлине Николай Павлович, свободно владевший немецким языком, сблизился с прусскими принцами Фридрихом-Вильгельмом и просто Вильгельмом, ставшими впоследствии королями. Будущий всероссийский самодержец тогда и усвоил прочные симпатии к Пруссии и ее военному строю, к ее армии и военачальникам. О последнем лучше все свидетельствует обилие орденов, полученных им от императора Николая I, пожалованные за долгих тридцать лет его царствования.

Наконец, братья под присмотром все того же графа Ламздорфа прибыли в северный швейцарский город Базель. Там они впервые услышали звуки войны: австрийцы и баварцы осаждали соседнюю крепость Гюненген, обстреливая ее из пушек и не имея особого желания идти на кровавый штурм. С падением Парижа его гарнизон сложит оружие сам.

Когда великие князья Павловичи покинули Базель в сопровождении прибывшего к ним из армии генерал-адъютанта графа П.П. Коновницына, их в пути встретил императорский флигель-адъютант. Александр I приказывал младшим братьям вернуться в Базель: «Наполеон сделал большое движение на левый наш фланг». Коновницын, дежурный генерал действующих армий, поспешил исполнить приказ государя.

В уже хорошо знакомом им Базеле Николай и Михаил узнали об изгнании низложенного императора французов на остров Эльба. Только тогда старший брат разрешил им прибыть в Париж, которому Бонапарт уже не мог никак угрожать. Союзники оккупировали Францию, повсюду стояли их гарнизоны, дороги были безопасны от дезертиров из наполеоновской армии. Конвой великих князей был усилен, а его командир имел строгие предписания на всякие случаи жизни. Путь лежал через города Кольмар, Нанси, Шалон и Мо.

Исследователи Николаевской эпохи пишут, что характер монарха, правившего Россией твердой рукой более четверти века, определенно сложился где-то до шестнадцати лет. Причем характеристики ему даются порой не самые лестные. К числу последних относится Г.И. Чулков, популярный отечественный писатель 20-х годов прошлого столетия и явно не монархист:

«...Любовь к точности, симметрии, равновесию, порядку, иерархической стройности была у Николая Павловича такой же исключительной, как у старшего брата Александра. Но у того это пристрастие к симметрии и порядку сочеталось как-то с немалой душевной сложностью, а у царя Николая эта особенность сделалась манией. Это была его идея. И кроме этой идеи иных у него не было. Он ее положил в основание своей философии истории.

Чтобы создать стройный порядок, нужна дисциплина. Идеальным образом всякой стройной системы является армия. И Николай Павлович именно в ней нашел живое и реальное воплощение своей идеи. По типу военного устройства надо устроить и все государство. Этой идее надо подчинить администрацию, суд, науку, учебное дело, церковь – одним словом, всю материальную и духовную жизнь нации.

Но в отрочестве и в юности Николай Павлович еще не знал, что в его руках будет неограниченная власть. Он не знал, что у него будет возможность проделать этот гигантский опыт устройства государства по военному принципу строжайшей субординации и дисциплины.

Однако уже в детские годы, как бы предчувствуя, что ему придется править государством, во всех ребяческих играх брал на себя роль самодержца. У него была уверенность, что именно ему надлежит повелевать, и никто не оспаривал у него этого права. Как известно, за все шестьдесят лет своей жизни только однажды встретил он сопротивление своей воле. Это было 14 декабря 1825 года. Этого дня он никогда не мог забыть».

Подрастая, великий князь все более увлекается внешней, парадной жизнью армии, в первую очередь – гвардии. Она составляла основу столичного гарнизона. С малых лет тянула к себе военная дисциплина и организованность, парады и маневры, приближенные к боевым действиям. Немалую роль в этом играло познание военной истории, полковых летописей лейб-гвардии. Впрочем, это была черта характера у многих Романовых, поскольку их жизнь была связана в первую очередь с армией и флотом. По крайней мере, все они носили военные мундиры с юности, до конца своей жизни были за редким исключением шефами гвардейских полков и батальонов, эскадронов и батарей, флотского экипажа гвардии.

Недоброжелатели Николая I пишут, что впоследствии «единственным и истинным для него наслаждением» была «однообразная красивость» хорошо дисциплинированного войска. Дисциплина в николаевской армии и на флоте была «палочная», по примеру армии Прусского королевства. Именно против этого протестовал полководец в чине генералиссимуса А.В. Суворов-Рымникский, князь Италийский, вошедший в историю как русский военный гений. Но его не услышал ни император Павел I Петрович, ни его сын-венценосец Николай I Павлович. А следовало бы услышать и понять: воинство России боготворило победоносного военного вождя. Его образ страшил Европу.

Об этом в 1836 году свидетельствовал такой близкий к самодержцу человек, как граф А.Х. Бенкендорф. Тот выразил мысль, что государь Николай Павлович превосходно знал все тайны фрунтовой, то есть строевой, службы. «Он был отличный ефрейтор и великолепный барабанщик». При жизни Николая I о его тяге к военной машине Прусского королевства говорить вслух было опасно.

Такую же мысль выразил официальный историограф Отечественной войны 1812 года генерал-лейтенант А.И. Михайловский-Данилевский, который в трагическом для династии Романовых 1825 году писал о сыне императора Павла I следующее:

«Необыкновенные знания великого князя по фрунтовой части нас изумляли. Иногда, стоя на поле, он брал в руки ружье и делал ружейные приемы так хорошо, что вряд ли лучший ефрейтор мог бы с ним сравняться, и показывал также барабанщикам, как им надлежало бить. При всем при том его высочество говорил, что он в сравнении с великим князем Михаилом Павловичем ничего не знает; каков же должен быть сей, спрашивали мы друг друга...»

На личность императора Николая Незабвенного, вне всякого сомнения, глубокий отпечаток наложил 1812 год: Великая армия императора Наполеона I вторглась в пределы Российской империи, великому князю Николаю Павловичу было уже немалчишечьих 16 лет. С этого времени окружающие стали замечать в нем некоторую перемену. Он сделался более сдержанным, суровым и озабоченным. Исторические события той поры вынудили, вероятно, и Николая Павловича задуматься над их страшным смыслом: романовская Россия оказалась под ударом извне. Об этом он, думается, будет не раз вспоминать в самом конце своей жизни, в годы Крымской (или Восточной) войны, которая станет бесславленным финалом его царствования.

Второму сыну императора Павла I цесаревичу Константину тогда было уже 33 года. Учился он вместе со старшим братом Александром под наблюдением бабки – Екатерины II, которая воспитывала старших внуков, следуя принципам великого французского просветителя Жан-Жака Руссо. Военную подготовку проходил в гатчинских войсках своего отца, который привил ему любовь к армейскому делу и страсть к «фрунту». В 16 лет женился на принцессе Саксен-Заалфельд-Кобургской Юлиане-Генриетте-Ульрике (в православии Анна Федоровна). Брак был несчастливым и бездетным: супруги не ладили друг с другом – «не сошлись характерами». Жена под предлогом лечения болезни оставила 22-летнего мужа в 1801 году, навсегда покинув Россию и уехав на жительство в Швейцарию. Являлась тетей английской королевы Виктории. Официально брак был расторгнут манифестом императора Александра I только в марте 1820 года.

Дипломат Ш. Массон в своих «Секретных записках о России» дал цесаревичу Константину Павловичу в конце 1790-х годов такие характеристики:

«Этот молодой великий князь не имеет такой любезной и пленительной наружности, как его брат, но в нем больше смелости и живости: взбалмошность у него занимает место ума, а шалопайство – любви к народу...

В нем были, однако, зародыши духовной и сердечной доброты, которыми пренебрегли его первые наставники...

Несмотря на свою невыдержанность, он наделен способностями, кои могли бы сделаться блестящими качествами, потому что он мужественен, щедр и охотно выручает своих друзей. Его энергия неистощима, а свойственная ему откровенность редко встречается в принце. Впрочем, он достойный сын своего отца: те же странности и вспышки, та же жестокость, то же буйство».

Вторая характеристика цесаревичу, данная ему Ш. Массоном, касается личной, семейной жизни Константина Павловича:

«Кто бы мог вообразить, что молодой семнадцатилетний принц, живой и сильный, который только что женился на юной и прекрасной девушке, проснется после первой брачной ночи в пять часов утра, спустится на площадь перед дворцом и там с помощью палочных ударов будет муштровать двух солдат из своей охраны?

Так поступил великий князь Константин. Не знаю, обещает ли эта воинственная ярость хорошего генерала, но она наверняка служит доказательством того, что он никуда не годный супруг».

Как бы там ни было, великий князь Николай Павлович видел себе примером брата Константина. Тот в 17 лет был назначен шефом Санкт-Петербургского гренадерского полка, в 18 лет – генерал-инспектором всей кавалерии русской армии, в 19 лет – главным начальником над Кадетским корпусом. В 20 лет Константин Павлович участвовал волонтером в суворовских Итальянском и Швейцарском походах, родителем был пожалован титулом цесаревича и награжден орденом Святого Иоанна Иерусалимского. Сам генералиссимус А.В. Суворов-Рымникский, князь Итальянский, давал ему лестные отзывы, а военного гения России никак нельзя причислить к кругу царедворцев.

После вступления старшего брата Александра на престол цесаревич Константин в 22 года (!) возглавил комиссию по преобразованию армии. Разумеется, комиссия состояла из бывалых, опытнейших военных людей. По его инициативе в 1803 году создаются легкоконные уланские полки, которые в старой русской армии просуществовали до начала 1918 года. Участвовал в неудачном сражении при Аустерлице, самой яркой в биографии Наполеона. В ходе Русско-пруско-французской войны 1806–1807 годов в 27 лет принял командование над гвар-

дией. После Фридландского сражения заговорил о мире с Францией. Вместе с Александром I участвовал в переговорах с Наполеоном в Тильзите и Эрфурте.

Отечественная война 1812 года дала Николаю Павловичу мало приятных воспоминаний о брате Константине. Но она показала, каким Романов не должен быть в истории. Цесаревич начал войну во главе Пятого армейского корпуса в составе 1-й Западной армии генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли, тогда еще военного министра России. «Путался в армии и тылах и всем мешал». С первых же дней войны говорил о необходимости заключения мира с французами. Интриговал против Барклая, и тот под благовидным предлогом отправил цесаревича из действующей армии в Москву. Император поручил брату сформировать кавалерийский полк, но тот вошел в конфликт с московским главнокомандующим Ф.В. Ростопчиным, который написал жалобу государю на его родного брата. Цесаревич благоразумно был отозван в столицу.

Константин Павлович все же настоял на своем возвращении в ряды действующей армии. Там он враждовал с Барклаем де Толли, дискредитируя его действия. Его вновь «отправили» из армии с донесением государю в Санкт-Петербург. Цесаревичу пришлось объясняться со старшим братом: за распространение панических настроений и призывы к миру с Бонапартом был отправлен в Тверь к жившей там сестре Екатерине Павловне. Там он пробыл под ее присмотром до самого конца 1812 года.

Константин вновь прибыл в Вильно к армии только в декабре 1812 года, когда Отечественная война, по сути дела, уже завершилась. Александр I оставил его при себе, не забывая высоко награждать брата за участие в Заграничных походах. Тот командовал резервом Богемской армии. За Дрезденское сражение удостоился золотой шпаги «За храбрость» с алмазами, за Битву народов под Лейпцигом (командовал резервами) получил (в числе шести военачальников-союзников) «за отличие» сразу полководческий орден Святого Георгия 2-й степени.

Когда война пришла на территорию собственно Франции, цесаревич сумел блестяще проведенной атакой отличиться в сражении при Фер-Шампенаузе. Участвовал в торжественном вступлении русских войск в Париж, будучи всюду при старшем брате-венценосце. В июне 1814 года привез в торжествующий Санкт-Петербург известие о мире: это было почетное поручение государя.

Великий князь Николай Павлович, в отличие от него, попал на войну с императором французов Наполеоном I только в 1814 году и только с разрешения августейшего брата и вдовствующей императрицы-матери. Собственно говоря, тогда наполеоновская Франция уже находилась на грани военного поражения и отличиться было негде: последние большие сражения прошли. Николай Павлович пишет в своих мемуарах:

«Все мысли наши были в армии. Учение шло, как могло среди беспрестанных тревог и известий из армии. Одни военные науки занимали меня страстно, в них одних находил я утешение и приятное занятие, сходное с расположением моего духа».

Поучаствовать в войне великому князю Николаю Павловичу так и не удалось. Желание, пусть и высказанное вслух, осталось желанием. Как только главная императорская квартира пересекла границу Франции, он вместе с Михаилом Павловичем был отправлен августейшим старшим братом в швейцарский город Базель, в противоположную сторону от Парижа. В мемуарах о том событии рассказано так:

«Хотя сему уже прошло восемнадцать лет, но живо еще во мне то чувство грусти, которое тогда нами одолело и в век не изгладится. Мы в Базеле узнали, что Париж взят, и Наполеон изгнан на остров Эльба».

Только тогда великий князь получил приказание от Александра I прибыть с братом Михаилом в Париж. Путь в столицу поверженной наполеоновской Франции лежал через Кольмар и Нанси. Пребывание в Париже, думается, было приятным во всех отношениях.

Возможно, именно это обстоятельство обеспокоило их мать Марию Федоровну. Поэтому в одном из писем состоявшему при юных великих князьях генерал-адъютанту Коновницыну вдовствующая императрица появились такие строки:

«Я, конечно, немало не сомневаюсь, что внушенные им правила нравственности, благочестия и добродетели предохранят их от действительных прегрешений, но пылкое воображение юношей в таком месте, где почти на каждом шагу представляются картины порока и легкомыслия, легко принимает впечатления, помрачающие природную чистоту мыслей и непорочность понятий, тщательно поныне сохраненную; разврат является в столь приятном или забавном виде, что молодые люди, увлекаемые наружностью, привыкают смотреть на него с меньшим отвращением и находить его менее гнусным».

Мария Федоровна, пожалуй, зря беспокоилась о том, что в «безнравственном» Париже ее младшие сыновья забудут о своем предназначении и воспитанных в них духовных ценностях. Николай Павлович попал, если так можно выразиться, в победный финал антинаполеоновских войн. Особенно доставило ему удовольствие зрелище знаменитого в мировой военной истории парада войск России в Вердю, в 120 верстах от Парижа. Здесь он, сам участник этого торжественного действия, в первый раз обнажил свою шпагу перед строем Фанагорийского гренадерского полка, любимого самим генералиссимусом А.В. Суворовым-Рымникским, князем Итальянским. Волнение при этом будущий император Николай I испытал несказанное: в 16 лет он командовал полком. Да еще каким!

Надо заметить, что Париж «хорошего влияния» на характер Николая Павловича – суровый и жестокий – не оказал. Наоборот, великий князь именно в Париже, как говорится, «оперился»: он стал делать замечания прославленным генералам старшего брата, распекал их за какие-то мелочи армейской жизни. Один из них, герой Бородинского дня А.П. Ермолов, в ответ на высказанное замечание ответил Николаю Павловичу:

«Полагаете ли, Ваше Высочество, что русские воины служат царю, а не отечеству? Они шли на Париж, чтобы защищать Россию, а не парадировать. Таким образом, не приобретают привязанности армии».

Великий князь Романов на такой ответ промолчал, но сказанных ему слов не забыл. Возможно, он чувствовал настроение других генералов, находившихся рядом с ними. Однако отношения с «вольнодумцем» Ермоловым у него будут с того дня испорчены донельзя, что и скажется на судьбе будущего «проконсула Кавказа». Алексей Петрович получит отставку от армии в расцвете сил и на волне военных успехов.

В Париже великие князья Павловичи оказались в фокусе внимания французской аристократии и королевского двора Бурбонов. Николай Романов однажды был приглашен во дворец герцога Орлеанского (будущего французского короля Луи-Филиппа) и Мари Амели Бурбонской, который познакомил высокого гостя со своей семьей, ее бытом и воспитанием детей. Будущий император России, покидая гостеприимный дом, сказал герцогу на прощание слова, вошедшие в историю:

– Какое громадное счастье жить так, семьею!

Герцог Орлеанский «с видом откровения и убеждения» ответил гостю:

– Это единственное истинное и прочное счастье...

Можно говорить о том, что братья Павловичи были очарованы теплым приемом побежденных французов: они приветствовали их старшего брата-венценосца как освободителя

Европы. Парижская жизнь «окрутила» многих офицеров союзных армий, с удовольствием ходивших в театры и самые различные клубы, заводивших дружбу в кругах интеллектуалов столицы Франции. Николай Павлович же держался в стороне от этой праздной суеты победителей, он был озабочен самыми разными сторонами военной жизни.

Великий князь в сопровождении младшего брата посещает казармы и госпитали, наносит визит в знаменитую Политехническую школу. Там его интересует если не все, то очень многое. Он общается с казаками, раскинувшими свой походный лагерь на Елисейских Полях и купающих коней в водах Сены. Побывал и в Доме инвалидов, где его служители-старика в форме наполеоновской гвардии при виде человека в русском мундире отворачивались от него со слезами на глазах. Тот вступал с ними в беседы, выслушивал рассказы о великих победах императора французов и обещал, что пленные Великой армии, а их многие тысячи, вскоре обретут личную свободу.

Первое путешествие по Европе, вернее – поездка на войну с Наполеоном, сделало на будущее в биографии Николая I две «отметки». Во-первых, он, ознакомившись с замками немецкого рыцарства и дворцами французских аристократов, стал собирать коллекцию холодного оружия, ставшую впоследствии знаменитым Царскосельским арсеналом. Считается, что коллекция началась с сабли турецкого паши, трофея с берегов Дуная, подаренной великому князю в 1811 году, по всей видимости, графом А.Ф. Ланжероном. Сабля была типично восточным оружием, богато изукрашенным, особенно ее ножны, драгоценными камнями, и потому невольно привлекала к себя взгляды людей военных и невоенных.

Во-вторых, император Александр I познакомил во время смотра войск под Парижем младшего брата с начальником 2-й гренадерской дивизии генерал-лейтенантом И.Ф. Паскевичем, героем Отечественной войны 1812 года. Молодые люди сразу сдружились, найдя во взглядах много общего. Позднее Паскевич, уже имевший чин генерал-фельдмаршала, титулы графа Эриванского и князя Варшавского, вспоминал:

«Николай Павлович после того постоянно меня звал к себе и подробно расспрашивал о последних кампаниях. Мы с разложенными картами по целым часам вдвоем разбирали все движения и битвы 12-го, 13-го и 14-го годов. Я часто у него обедывал, и когда за службу не могу у него быть, то он мне потом говорил, что я его опечалил. Этому завидовали многие и стали говорить в шутку, что он в меня влюбился. Его нельзя было не полюбить. Главная его черта, которой он привлек меня к себе, это прямота и откровенность. Брата Михаила Павловича он любил, но к серьезным разговорам не допускал, да и тот их недолюбливал...»

По возвращении в Россию братья Павловичи-младшие долго в городе на Неве не задержались. Венценосец Александр Павлович отправил их во второе «образовательное» путешествие по континентальной Европе. Маршрут пролегал через города Берлин, Гейдельберг, Париж, Баден, Франкфурт-на-Майне, Веймар, Лейпциг... Путешествие длилось почти с год: с февраля по ноябрь. На местах великих князей Романовых, их немногочисленную, но тщательно отобранную свиту опекали полномочные посланники и консулы Российской империи.

Во время пребывания в Париже Николай и Михаил Павловичи присутствовали на подписании Акта о создании Священного союза (первоначально Россия, Австрия и Пруссия), инициатором чего стал их старший брат. Церемония подписания состоялась 14 сентября 1815 года. В царствование Николая I этот союз «прикажет долго жить», то есть фактически прекратит существование: Российская империя как «жандарм на континенте» европейским монархиям была уже не нужна. Революционный накал спал, второй Бонапарт не объявлялся, а трудно предсказуемый в поступках огромный на политической карте мира «русский медведь» настораживал и пугал многих властителей Европы.

В ходе того путешествия решались династические вопросы дома Романовых. 22 сентября состоялась помолвка великого князя Николая Павловича с прусской принцессой Шарлоттой-Фридерикой-Луизой-Вильгельминой. Для семьи монархов Европы это стало заметным событием, ведь роднились правящие династии России и Пруссии, два сильных в военном отношении государства, вчерашние победители наполеоновской Франции.

Зиму великие князья Николай и Михаил Павловичи провели в Санкт-Петербурге, участвуя во всех дворцовых церемониях и официальных приемах. В мае 1816 года старший брат отправил их в путешествие по России-матушке, чтобы они имели о ней достаточно полное представление. Можно утверждать, что Александр I хотел знать и видеть державу глазами младших Романовых: собственным вельможам монарх во многом порой не доверял. Порой он перепроверял через доверенных лиц ему доложенное губернаторами и министрами, которые стремились скрасить действительное.

Маршрут поездки впечатлял: Луга, Порхов, Великие Луки, Витебск, Смоленск, Бобруйск, Чернигов, Полтава, Екатеринослав, Харьков, Елизаветград, Николаев, Одесса, Херсон, Перекоп, Симферополь, Севастополь, южное побережье Крыма, Курск, Орел, Тула, первопрестольная Москва... Павловичи обычно ехали в коляске, иногда верхом. Их сопровождала небольшая свита. На местах к их встречи готовились заранее и «всем миром». Братья же Павловичи знакомились с городами, их учреждениями и гарнизонами часто по собственному желанию, а не по написанному для них сценарию. Такие желания высоких гостей приводили в трепет губернаторов и градоначальников.

Во время путешествия Николай Павлович вел «Общий журнал по гражданской и промышленной части», обстоятельные записи в котором свидетельствовали о большой наблюдательности и дотошности автора. Есть, к примеру, и такая запись о посещении старинного Порхова Псковской губернии на берегу реки Шелони, основанного в 1329 году и ставшего городом через 448 лет:

«...Арестантский острог с госпиталем в таком жалком положении, что грешно не упомянуть об оном: ветхая деревянная изба, состоящая из нескольких чуланов без окон и отдушин, в коих посреди 22 человека инвалида бессменно караульных и 66 арестантов в двух остальных, без пищи, без одежды, в спертом, гнилом воздухе, без различия ни родов преступлений, ни возраста, одни на других; старая развалившаяся деревянная караульня, в которой прилипчивыми болезнями одержимые больные арестанты в одной комнате со стерегущими инвалидами, на одних нарах, без одежды, без лекарств, без суммы на содержание, кроме от милостынь собираемой, – вот самое верное и очевидное описание здешнего острога...»

После прочитанных строк напрашивается вопрос, что подразумевалось под ними: человеческое сострадание? возмущение состоянием казанного учреждения? проблеск будущих «забот» о верноподданных?...

Великий князь Николай Павлович оставил в путевом дневнике и такую запись, словно кто-то заставил взглянуть его в собственное будущее:

«В Белоруссии дворянство, состоящее почти все из весьма богатых поляков, отнюдь не показало преданности к России, и, кроме некоторых витебских и южных могилевских дворян, все прочие присягнули Наполеону. Крестьяне их почти все на тяжелом оброке и весьма бедны...»

Можно утверждать, что Николай I еще до своего воцарения знал государство Российское, его армию и общество, столицы и провинцию достаточно хорошо для человека своего уровня. Это касалось прежде всего военной организации державы и ее администрирования. Поэтому

став монархом-самодержцем, он иллюзий не строил и «воздушных замков» для верноподданных в высочайших указах не рисовал.

Во время пребывания в городе кораблестроителей Николаеве братья Павловичи присутствовали при впечатляющем торжественном спуске на воду 74-пушечного корабля. Тогда он произнес тост за императора Александра I, сказав:

«Мы присутствуем при создании нашего флота в Черном море. Будем просить Бога, чтобы этот флот сделал быстрые успехи и чтобы наши военные флоты вскоре не имели в чем завидовать флотам Франции и Англии».

Путешествие еще более сблизило Николая Павловича с сопровождавшим великих князей боевым генералом Иваном Федоровичем Паскевичем (будущим николаевским вельможей, наместником на Кавказе и в Царстве Польском). С воцарением Николая I до его последних дней Паскевич станет для самодержца едва ли не самым близким царедворцем, а можно сказать – и верным, искренним другом, которому можно было довериться и во всем положиться.

После поездки по России, закончившейся в августе, великого князя Николая Павловича уже в следующем месяце, 13 сентября, отправляют в новое заграничное путешествие. Разумеется, первая остановка была в прусской столице Берлине, где его вновь тепло встретили в королевской семье. Затем маршрут Романова лежал в Веймар, Кельн, Льеж, Брюссель, Лондон. Как и в предыдущем году, он путешествовал по Северной Европе. Следует заметить, что Романовы католический европейский юг своими визитами не жаловали, если не считать Италию с ее древней историей и архитектурными красотами. Путешествия в эту романскую страну редко носили официальный или полуофициальный характер.

В Британии великий князь задержался, посетив после Нового года Ливерпуль, столицу Шотландии Эдинбург, Глазго, портовые города Портсмут и Плимут. Здесь он стал очевидцем того, как в Туманном Альбионе протекала общественная жизнь, редко выходящая из рамок законности. По этому поводу будущий государь России высказался генерал-адъютанту П.В. Голенищеву-Кутузову в таких словах:

«Если бы, к нашему несчастью, какой-нибудь злой гений перенес к нам эти клубы и митинги, делающие более шума, чем дела, то я просил бы Бога повторить чудо смешения языков, или, еще лучше, лишить дара слова всех тех, которые делают из него такое употребление».

К слову говоря, поездка в Лондон, чтобы там «набраться знаний и опыта», доставила много беспокойства вдовой императрице Марии Федоровне. Она всерьез опасалась, что ее сыну грозит... роковая притягательность к британской конституции. Она обращается к послу России в Лондоне графу Ливену с просьбой оберегать молодого великого князя «от столь большой и столь вызывающей испорченности» английского общества. Но все ее опасения оказались напрасными.

Возвращался Николай Павлович в Россию через бельгийскую столицу Брюссель и Германию (Штутгарт, Веймар, тот же приглянувшийся ему Берлин). В Берлине его принимали как будущего члена семьи. Прусский король сделал великому князю Романову большой сюрприз, назначив шефом 3-го Бранденбургского кирасирского полка. Тот в беседах поразил королевских офицеров знанием деталей кавалерийской службы и военного устава Пруссии. В северную столицу России Николай Павлович прибыл 27 апреля.

Личные дела великий князь окончательно улаживает в том же 1817 году. 8 июня его невеста Шарлотта-Фридерика-Луиза-Вильгельмина в сопровождении брата Вильгельма и свиты пересекает линию государственной границы в Мемеле. Она ехала в карете, запряженной восьмью лошадьми, за которой следовало еще одиннадцать карет и повозок с небогатым приданым и немногочисленной свитой. На российской стороне 18-летнюю прусскую принцессу встречали почетный конвой из конной гвардии и великий князь Николай Павлович, одетый по такому

случаю в мундир кирасир-бранденбурцев. Став императрицей Александрой Федоровной, она вспоминала:

«Мой жених встречал меня у пограничного шлагбаума, с обнаженной шпагой во главе войска...»

Николай Павлович, взяв нареченную невесту за руку, сказал ей тихо:

– Наконец, вы у нас!

А затем добавляет громко, чтобы слышали окружающие:

– Ваше величество, добро пожаловать в Россию!..

В Санкт-Петербург они прибыли по «невозможным» дорогам (как показалось принцессе из Европы) вместе, будучи в пути неразлучны друг с другом. Дочь прусского монарха поселили в Зимнем дворце, окружив ее заботой и вниманием со стороны романовского семейства.

По семейной традиции великий князь на одном из собраний в Зимнем дворце представил свою немецкую невесту гвардейскому офицерству, обязательно присутствовавшему на всех торжествах и официальных церемониях. В тот день, 9 июня, Николай Павлович произнес перед офицерами лейб-гвардии слова, вошедшие в историю династии Романовых:

– Это не чужая, господа; это – дочь вернейшего союзника и лучшего друга нашего государя...

Торжественное обручение великого князя и принцессы в столице состоялось уже через несколько дней, 13 июня. Это было большое дворцовое торжество с приглашением именитых гостей: вельмож, генералитета и иностранных дипломатов. Для последних посол Прусского королевства стал подлинным героем, то есть «составителем брачного контракта» двух могущественных династий. Дочь короля Пруссии писала о том дне, который определил всю ее оставшуюся жизнь:

«Я впервые надела розовый сарафан, бриллианты и немного подурмянилась, что оказалось мне очень к лицу...»

Венчание состоялось через неделю, 20-го числа. Оно проходило в церкви Зимнего дворца. Двадцать один пушечный залп дал знать российской столице, что картеж двинулся в путь к церкви. При обращении в православную веру Шарлотта-Фридерика-Луиза-Вильгельмина получила имя Александра Федоровна. Теперь она титуловалась великой княгиней Романовой, став полноправным членом правящей династии Российской империи. Свидетельств того, мечтала ли только-только появившаяся на свет великая княгиня о российской императорской короне, нет.

Чтобы скорее освоиться в России, новоиспеченному члену романовского семейства находят учителя русского языка в лице известного поэта Жуковского. Он отмечает в своих записях ее прилежание и правдивость. Александре Федоровне изъясняться по-русски в дворцовой жизни приходилось не всегда: в самой царской семье тогда было принято писать по-французски, а разговаривать по-немецки.

Новоявленная великая княгиня получила полагающийся ей небольшой «двор», в числе которого был первый камер-паж П.М. Дараган. Особенностью этого придворного дворянина было желание походить буквально во всем на изысканного, воспитанного француза-парижанина. Николаю Павловичу поведение слуги супруги не понравилось, и однажды он высказал Дарагану такой упрек:

– Зачем ты картавишь? Это физический недостаток, а Бог избавил тебя от него. За француза тебя никто не примет; благодари Бога, что ты русский, а обезьянничать никуда не годится. Это позволительно только в шутку...

Вскоре, 3 июля, старший брат-венценосец сделал младшему брату действительно дорогой для него подарок. Он назначил великого князя Николая Павловича генерал-инспектором по инженерной части и шефом лейб-гвардии Саперного батальона. Следует отметить, что Нико-

лай I был хорошо начитан и сведущ по военно-инженерному делу, что подчеркивали современники и он сам. Вскоре в казармах подшефного батальона он стал своим человеком, заботливым высоким начальником. В декабрьские дни саперы-гвардейцы встанут на сторону Николая Павловича без всяких колебаний.

Новоиспеченный генерал-инспектор 20 января 1818 года отдал по случаю вступления в должность приказ по своему военно-инженерному ведомству. В нем говорилось следующее:

«...Давая о сем знать по инженерному корпусу, долгом поставляю подтвердить всем чинам оно, что ревностным исполнением обязанностей, усердии к пользе государственной и отличным поведением всякий заслужит Государевы милости, а во мне найдет усердного ходатая пред лицом Его Величества. Но в противном случае за малейшее упущение, которое никогда и ни в коем случае прощено не будет, взыщется по всей строгости законов.

От усердия и твердости господ начальников, от рвения и полного повиновения подчиненных ожидаю иметь всегда удовольствие и, твердо на сие надеясь, уверяю всех и каждого, что умею ценить милость Государеву, соделавшую меня начальником столь отличного корпуса».

Из-под пера генерал-инспектора по инженерной части, родного брата государя, вышел не один начальственный документ. Передавая своим офицерам один из первых собственноручно составленных им документов, он сказал подчиненным:

– Не обращайтесь, господа, внимание на орфографию; я должен сознаться, что на эту часть при моем воспитании не обращали должного внимания...

В том году император особо не нагружал младшего брата поручениями по военной части, если не считать назначения для парада бригадным командиром лейб-гвардии Измайловского и Егерского полков (2-й бригады 1-й Гвардейской пехотной дивизии, в которую вошли Гвардейский морской экипаж и лейб-гвардии Саперный батальон). Правда, это было сделано за день до парада, так что строевой подготовкой лейб-измайловцев и гвардейских егерей великому князю заниматься особо не пришлось. А он такое дело любил, как и командовать войсками на парадах. Ближнему к нему человеку генералу П.П. Коновницыну он написал по поводу такого высочайшего доверия:

«...Я весьма счастлив этим, принимая сие знаком Государевой ко мне милости. Ваш навеки. Николай».

Здесь следует заметить, что любимым полком российской гвардии для Николая I был его шефский лейб-гвардии Измайловский полк. Император за редким случаем носил военный мундир, который очень хорошо шел ему, свидетельством чего стали многочисленные портреты и записки мемуаристов. Почти всегда это был измайловский офицерский мундир.

Став по должности главным начальником военных инженеров, Николай Павлович поставил себе задачей, во-первых, создать русский военно-инженерный офицерский корпус, чтобы избавиться от необходимости приглашать иностранных инженеров. И, во-вторых, обезопасить границы (прежде всего европейские) России постройкой крепостей по последнему слову фортификационной науки. Венценосный старший брат такие желания младшего брата только одобрил, что выразилось в повышенных отчислениях из государственной казны на военно-инженерное дело.

Генерал-инспектор заботился о профессиональной и строевой выучке подчиненных ему воинских чинов. В 1816 году он собственноручно написал для них «Общее наставление для обучения и занятий саперных и пионерных батальонов», которое в армейских условиях мирного времени имело долгую жизнь.

До своего восхождения на императорский престол Николай Павлович сделал в инженерных войсках очень многое. По его инициативе в 1819 году учреждается Главное инже-

нерное училище, впоследствии на базе которого были образованы Николаевская инженерная академия и Николаевское инженерное училище. Они носили имя своего создателя. Для училища младший брат выпросил у старшего брата-венценосца пустовавший тогда Михайловский замок, в чем тот ему не отказал.

Вводится бригадное управление в инженерных войсках. В русской армии появляются коннопионеры, то есть конные саперы. Это было новое слово в армейской организации, на которое сразу же обратили внимание в европейских столицах. Из артиллерийского ведомства в ведомство инженерное передаются понтонные части, на что имелись серьезные основания. Их обоснованность подтвердит ближайшая война с Турцией, когда русской армии в очередной раз пришлось форсировать полноводный Дунай.

Новую жизнь получает крепостное строительство. Обновляются крепости Динабург, Бобруйск, Свеаборг. Первая из них защищала со стороны моря Ригу, вторая стояла на перекрестке важных дорог в центре Белоруссии, третья на юге Финляндии контролировала проход по Финскому заливу к северной столице России и Кронштадту. Во время начальствования Николая Павловича на модернизацию крепостей казной было израсходовано около 15 миллионов рублей, огромная по тому времени сумма.

Работы «по инженерной и крепостной части» Николаем Павловичем велись, по распоряжению императора, под самым строгим присмотром всесильного временщика А.А. Аракчеева, который уже тогда отличался в категоричности суждений и принимаемых лично им решений. В отсутствие государя он не терпел никаких возражений. Великий князь таким контролем весьма тяготился, и потому его отношения с Аракчевым строились только на служебной основе и не более того. Став государем, он сразу удалит от кормила власти фаворита старшего брата.

Великому князю принадлежала идея создания в 1823 году школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. В последующем она превратилась в столичное Николаевское кавалерийское училище, ведущее среди себе подобных в начале XX века (Тверского и Елизаветградского кавалерийских училищ). В Санкт-Петербурге учились и будущие казацкие офицеры, но в малом числе, поскольку основная масса их готовилась в Новочеркасском и Оренбургском казачьих училищах.

Николай Павлович в 20-х годах стал явно тяготиться затянувшейся службой в ранге бригадного генерала: он же был Романовым, родным братом монарха. Положение его раздражало, что приводило к срывам в общении с подчиненными. В феврале 1823 года произошла нашумевшая в столице «Норовская история». Суть дела была такова. Великий князь проводил смотр лейб-гвардии Егерского полка и выразил в крайне грубой форме недовольство строевой подготовкой 3-й роты, что и было высказано ее командиру штабс-капитану В.С. Норову.

Оскорбление товарища по корпорации возмутило полковых офицеров, и они потребовали «сатисфакции», то есть вызова на дуэль. Но получив ее, 20 офицеров полка в знак протеста подали рапорты о переводе их из гвардии в армию, при этом несколько человек перевели в армию с тем же чином, лишив их гвардейской привилегии старшинства над армейцами. Скандал удалось замять, но не без труда.

Считается, что император Александр I «придерживал служебный рост» младшего брата: тот стал начальником гвардейской дивизии (2-й пехотной) только в марте 1825 года. В нее были переведены любимые шефские части великого князя – лейб-гвардии Измайловский полк и лейб-гвардии Саперный батальон.

Говоря о взаимоотношениях двух братьев, одного венценосца, другого лишенного шансов на престол, можно вспомнить свидетельство их современника, литератора Н.И. Греча, автора «Практической русской грамматики»:

«Соперничества Константина Павловича император Александр не боялся, цесаревич не был ни любим, ни уважаем и давно уже говорил, что царствовать не хочет и не может. Александр боялся превосходства Николая

и заставлял его играть жалкую и смешную роль бригадного и дивизионного командира, начальника инженерной частью, не важной в России. Вообразите себе, каков бы был Николай со своим благородным, твердым характером, с трудолюбием и любовью к изящному, если бы его готовили к трону хотя бы так, как приготавливали Александра».

...Император Александр I все чаще и чаще стал задумываться о проблеме престолонаследия: сына-наследника он не имел, а две дочери умерли в младенчестве. Писалось, что сбылась русская примета, предвещавшая несчастье. Когда его жена Елизавета Алексеевна, тогда еще невеста, немецкая принцесса, представлялась в тронном зале императрице Екатерине II, то она споткнулась о ступеньку трона и упала на глазах у всех.

Наследником официально считался цесаревич Константин Павлович, который высказывался о своем нежелании стать монархом со всеми его тяготами и заботами. К тому же у Константина Павловича не сложилась личная жизнь. Оставались кандидатуры младших Павловичей. Николай же во всем превосходил Михаила. Династические заботы в семье Романовых, разумеется, не проходили мимо заинтересованных лиц в ранге дипломатов. Один из них, маркиз де Кюстин, позднее писал, сравнивая Александра I с Николаем I:

«Люди, знавшие императора Александра, говорят о нем совсем иное: достоинства и недостатки братьев противоположны; они вовсе не были похожими и не испытывали один к другому ни малейшей приязни. У русских вообще нет привычки чтить покойных императоров, на сей же раз вычеркнуть минувшее царствование из памяти приказывают разом и чувства, и политика. Петр Великий ближе Николаю, чем Александр, и на него нынче куда большая мода».

Здесь, думается, следует возразить маркизу де Кюстину. Николай I с женой называл старшего брата императора Александра I «наш ангел». Не случайно ангелу, венчающему Александрийский столп на Дворцовой площади перед Зимним дворцом, торжественно открытый в августе 1834 года, были приданы черты Александра I.

Уже будучи государем, Николай Павлович стал называть старшего брата, передавшего ему трон династии Романовых, не только освободителем Европы от владычества наполеоновской Франции, но еще и освободителем России от французов. Как тут не вспомнить слова мыслителя Н.Г. Чернышевского, сказавшего следующее:

«Главными причинами нашего торжества в 1812 году должны быть признаваемы твердая решимость императора Александра Благословенного, патриотизм народа, мужество наших армий и искусство полководцев».

Еще один дипломат, граф де Пасси, в своих мемуарных записках, опубликованных уже после смерти российского самодержца, утверждал: «Более энергичный, чем император Александр, и менее суровый, чем Константин, государь Николай I был рожден для повеления народами».

Как бы там ни было, Александр I понимал все более ясно, что цесаревичу Константину, законному наследнику его престола, короной империи Романовых не владеть. Такой конфиденциальный разговор самодержец впервые завел с Николаем Павловичем летом 1819 года, когда проходил смотр 2-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии, стоявшей в летних лагерях под Красным Селом. У великокняжеской четы уже был наследник Александр (будущий император Александр II), которому дядя-самодержец сразу же пожаловал быть шефом лейб-гвардии Гусарского полка. Иначе говоря, только один из четырех братьев Павловичей имел тогда «семейное благополучие».

В декабре 1821 года император Александр I, отмечая свой день рождения в Москве, вызвал в первопрестольную столицу всех братьев. Последний раз они собирались вчетвером в 1816 году. В Москве Константин Павлович написал старшему брату письмо, помеченное 14 января 1822 года. Исследователи считают, что оно было написано под диктовку императора, хотя свидетельств тому нет. Речь шла о престолонаследии:

«Всемилодивейший государь!..

Не чувствуя в себе ни дарований, ни тех сил, ни того духа, чтоб быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, к которому по рождению моему могу иметь право, осмеливаюсь просить Ваше Императорское Величество передать сие право тому, кому оно принадлежит после меня, и тем самым утвердить навсегда непоколебимое положение Нашего Государства. Сим могу я прибавить еще один залог и новую силу тому обязательству, которое дал я непринужденно и торжественно при случае развода моего с первой моей женой...»

Вторым законным наследником престола после цесаревича Константина являлся третий Павлович, великий князь Николай.

Манифест о престолонаследии появился на свет только летом 1823 года. Его составили по секретному поручению от имени императора министр духовных дел и народного просвещения князь А.Н. Голицын и архиепископ Московский Филарет (будущий митрополит). Документ был тщательно просмотрен Александром I, после чего в него внесли правки. 16 августа манифест о добровольном отречении цесаревича Константина Павловича от прав на престол был подписан государем в Царском Селе. В документе прямо говорилось:

«...Вследствие того, на точном основании акта о наследовании престола наследником нашим быть второму нашему брату, великому князю Николаю Павловичу».

Князь А.Н. Голицын лично переписал все документы (манифест и письма). Копии были вложены в четыре пакета, которые отдавались на хранение в Государственный совет, Сенат, Священный Синод и в Успенский собор Московского Кремля. Получается, что о содержании этих документов знали только четыре человека: сам государь, архиепископ Филарет, князь А.Н. Голицын и временщик А.А. Аракчеев.

Секретные пакеты были запечатаны личной печатью императора Александра I и имели его собственноручную надпись: «Хранить в Государственном совете (Сенате, Священном Синоде, Успенском соборе) до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть, прежде всякого другого действия, в чрезвычайном собрании».

Оригинал манифеста был положен митрополитом Филаретом в алтарь кремлевского Успенского собора, который был опечатан, что вызвало немало толков среди священнослужителей. Право на его вскрытие получили митрополит Московский и губернатор первопрестольной столицы.

По сей день у исследователей возникает немало споров о том, почему император Александр I, подготовив такой манифест, не предал его привычной в таких случаях гласности, а сокрыл в секретных пакетах. Действительно, почему?

Во-первых, император оставлял за собой право отзыва манифеста в любой момент, поскольку считал, что «решение проблемы престолонаследия является прерогативой только царствующей династии и потому должно быть сохранено в тайне от общества».

Во-вторых, (возможно) тем самым документ скрывался от самого цесаревича Константина Павловича, человека непредсказуемых поступков.

И в-третьих, таким образом манифест скрывался от нового наследника престола, великого князя Николая Павловича, которому «не было ничего сообщено о существовании актов».

Но в этом часть историков сомневается, считая, что будущий самодержец должен был знать о содержании манифеста хотя бы в общих чертах. Но если бы он попытался «приблизить» к себе престол старшего брата, как тот бы отзывом манифеста удержал за собой трон.

Как говорится, в жизни бывает всякое, и император Александр I откровенно страховался на всякий случай, будучи знаком с историей не только династии Романовых. Не случайно же современники отмечали, что он в конце своей жизни отличался большой подозрительностью даже к близким людям.

Доподлинно известно другое. О том, что в России поменялся наследник, в конце 1823 года знали в Берлине (о чем говорилось в придворном календаре), а весной 1825 года узнал принц Оранский (будущий голландский король), побывавший с визитом в Санкт-Петербурге. То, что «утечка информация» была, сомневаться не приходится.

Есть свидетельство, что, когда документы о престолонаследии были готовы, князь А.Н. Голицын высказал императору Александру I опасения насчет «неудобств» сокрытия манифеста:

«Когда акты, изменяющие порядок престолонаследия, остаются на столь долгое время необнародованными и какая может родиться от того опасность в случае внезапного несчастья».

Всероссийский государь после некоторого молчания показал князю на небо и тихо сказал сокровенное:

«Будем же полагаться в этом на Господа. Он лучшим образом сумеет все устроить, нежели мы, слабые смертные»...

Можно утверждать, что в вопросе изменения престолонаследия Александр I предусмотрел, казалось бы, все. Держа под контролем династическую ситуацию, он мог бы царствовать еще долго. Просчитался же он в одном – в своей скорой смерти в далеком от Северной столицы городе Таганроге, которая отозвалась в Санкт-Петербурге выступлением заговорщиков, которые смогли вывести на Сенатскую площадь часть привилегированной императорской гвардии. Декабристами же были дворяне, в большей части молодые младшие офицеры.

Тема престолонаследия на финише жизненного пути Александра I, его «секретного» завещания и «бунта» войск гвардии на Сенатской площади в декабре 25-го привлекала многие поколения отечественных историков. Один из них, Е.Ф. Шмурло, творивший в начале XX столетия, высказался о природе тех событий так:

«...Престолонаследие. У имп. Александра не было детей (две дочери умерли в самом раннем возрасте), и престол, согласно закону 5 апреля 1797 г., должен был перейти к старшему брату, цесаревичу Константину; но тот, под тяжелым впечатлением событий 11 марта 1801 г. (убийства его отца, императора Павла I. – *А.Ш.*), решительно отказался от короны, которая вследствие этого переходила к следующему брату, Николаю...

Имп. Александр особым манифестом (1823, 16 августа) заявил об отказе Константина и о передаче его прав Николаю; но и отказ цесаревича, и манифест государя держались в строжайшей тайне и в запечатанном пакете переданы Александром на хранение в Московский Успенский собор...

Об акте знали только мать государя, императрица Мария Федоровна, московский митрополит Филарет, Аракчеев, кн. А.Н. Голицын да принц Вильгельм (будущий император германский Вильгельм I).

Тайна была соблюдена даже от самих братьев, т. е. от тех, кто ближе всех был заинтересован в этом деле и более, чем кто иной, имел право быть осведомленным хотя бы для того, чтобы предстоящая смена на престоле не

застала их врасплох: Константин не знал, облечен ли в форму закона его отказ от своих прав и передача их младшему брату, а Николаю если что и было известно о его назначении наследником, то лишь по глухим намекам матери...

Тайна действительно была соблюдена до самой смерти императора, но дорого обошлась России: будь она вовремя раскрыта, едва ли стал возможен бунт 14 декабря».

...В последние годы своей жизни император Александр I совершал дальние и долгие путешествия по землям Российской империи. После поездки в столицу Царства Польского Варшаву следует новая продолжительная поездка на юг – в Крым и портовый город Таганрог, на берегу Азовского моря, с населением тогда всего в семь тысяч человек. Вся императорская свита во время таганрогской поездки состояла из генерала от инфантерии барона И.И. Дибича, начальника Главного штаба, князя П.М. Волконского и генерал-адъютанта А.И. Чернышева. Из Таганрога государь совершил несколько поездок, в том числе и поездку в Область войска Донского – в города Новочеркасск и Нахичевань (тогда близ Ростова-на-Дону, ныне в черте города).

Почему император Александр I в день смерти оказался в небольшом городке на берегу Азовского моря? Объясняется это болезнью императрицы Елизаветы Алексеевны, у которой прогрессировала чахотка (туберкулез). По советам врачей она выбрала местом лечения не Крым, а Таганрог с его более сухим климатом. Заболевший в пути государь, прибыв туда, почти не вставал с постели.

Слухи о тяжелой болезни государя дошли до Санкт-Петербурга. Они, прежде всего, роились в аристократических салонах и казармах элитной гвардии. В полках лейб-гвардии «прощитывали» шансы занять престол двух Павловичей – Николая и Константина. Первый пользовался меньшей популярностью, второй, давно далеко обитавший от Санкт-Петербурга при своем крутом нраве, казался фигурой предпочтительной.

Из записок декабриста князя С.П. Трубецкого: «Известно, что император Александр Павлович скончался почти скоропостижно. В Петербурге узнали о кончине его почти в одно время, как и о болезни. Первый курьер из Таганрога привез (24 ноября) известие о его болезни, третий (27-го) о его кончине в самое то время, когда вся императорская фамилия служила благодарный молебен за полученное им облегчение, которое известие привезено было в этот же день поутру 2-м курьером, за несколько часов до его кончины отправленным».

Иностранные дипломаты в те дни занимались прогнозами на будущее российского самовластия: от этого немало зависел «европейский микроклимат». Австрийский посол Лебцельтерн писал в Вену главе своего МИДа Меттерниху:

«За десятилетнее отсутствие хорошие качества Константина и его благородные черты сохранились в памяти военных, но время стерло воспоминания о менее похвальных сторонах, тогда как суровая, порой слишком жесткая дисциплина великого князя Николая была злом недавним, существующим и ныне».

Судьбой было уготовлено, что последнее путешествие по России стало роковым для российского монарха. 19 ноября 1825 года в 10 часов 52 минуты в городе Таганроге император Александр I Павлович неожиданно скончался. Ему не было еще и 48 лет. Генерал-адъютант И.И. Дибич, как человек старший в императорской свите, извещает семью Романовых о смерти главы государства. К своему письму в столицу он присовокупляет следующую фразу:

«С покорностью ожидаю повелений от нового нашего законного государя, Императора Константина Павловича».

Эта приписка свидетельствовала о том, что даже самые приближенные к Александру I царедворцы не знали об официальном отказе от престолонаследия цесаревича Константина в пользу младшего брата Николая.

От Таганрога до Санкт-Петербурга было далеко. Весть в город на Неве о смертельной болезни государя пришла 25 ноября, а о его смерти – в первой половине 27 ноября.

Усопшего монарха стали готовить в последний путь, который вел в столицу. Приближенный к императору человек, Н.И. Шениг, вспоминал:

«20-го числа, князь Волконский, Дибич, Чернышев присутствовали при вскрытии тела, которое делали Виллие, Тарасов и другие доктора. Все тело найдено здоровым, только в голове нашли 5 унций воды...

Перед концом он чувствовал страдания, при последних минутах просил у государыни прощения и умер, держа ее руку в своей...

21 ноября поутру в 9 часов, по приказанию Дибича, отправился я, как старший в чине... для присутствия при бальзамировании тела покойного государя. Вошел в кабинет, я нашел его уже раздетым на столе, и четыре гарнизонных фельдшера, вырезывая мясистые части, набивали их какими-то разваренными в спирте травами и забинтовывали широкими тесьмами. Доберт и Рейнгольд с сигарами в зубах варили в кастрюльке в камине эти травы. Они провели в этом занятии всю ночь, с той поры как Виллие вскрыл тело и составил протокол. Череп на голове был уже приложен, а при мне натягивали кожу с волосами, чем немного изменили выражение черт лица. Мозг, сердце и внутренности были вложены в серебряный сосуд, вроде сахарной большой жестянки с крышкою, и заперты замком.

Кроме вышесказанных лиц и караульного казачьего офицера, никого не только в комнате, но и во всем дворце не было видно. Государыня накануне переехала в дом Шахматова. Доктора жаловались, что все разбежались и что они не могут даже добиться чистых простынь и полотенец...

По окончании бальзамирования одели государя в парадный общий генеральский мундир с звездой и орденами в петлице...»

Генерал-адъютант И.И. Дибич возвратился в Санкт-Петербург с телом усопшего самодержца в январе следующего года. Траурная процессия пересекла всю европейскую часть России с юга на север, от Азовского моря до Балтики. В каждом городе и селении траурный кортеж встречали со всей печалью верноподданные ушедшего из жизни царя-самодержца, вошедшего в российскую историю под прозванием Благословенный.

Перевозка тела «почившего в Бозе» государя императора из Таганрога в Санкт-Петербург длилась два месяца. Несколько раз в ее ходе гроб с покойным вскрывали, чтобы местные должностные лица могли увидеть бранные останки императора. Каждый раз при этом сопровождавшие траурную процессию лица составляли протокол осмотра, который подписывался всеми присутствовавшими при этом лицами...

Пока траурный поезд размеренно двигался по заснеженным дорогам в Санкт-Петербурге, в столице разворачивалась историческая драма, имя которой – восстание декабристов. У событий на Сенатской площади 14 декабря 1825 года была своя прелюдия – междуцарствие в Российской империи.

Известие о смерти Александра I пришло в Зимний дворец в пятницу 27 ноября 1825 года. Курьер из Таганрога прибыл в тот час, когда в дворцовом храме служили молебен по больному государе. Камердинер подошел к стеклянной двери, которая выходила в ризницу, где стояла семья Романовых, и сделал знак, что прибыл гонец с важной вестью.

Николай Павлович без промедлений на цыпочках вышел из ризницы и увидел столичного генерал-губернатора графа М.А. Милорадовича. Тот уже знал обо всем, о чем свидетельствовало трагическое выражение его лица. Он кратко сказал великому князю:

– Кончено. Крепитесь. Будьте примером для других.

Тот вернулся в ризницу и молча склонился перед матерью. Она поняла все без слов и на глазах присутствующих теряет сознание. К ней бросается лечащий врач, церковная служба прерывается. Мольбы и рыдания звучат в храме. Николай Павлович обращается к супруге:

– Позаботься о матушке, а я пойду исполнять свой долг.

Первейший долг его в эти трагические минуты заключался в принесении присяги брату Константину, который стал старшим в династии Романовых. Нельзя было терять ни минуты. Николай Павлович приказывает священнику принести крест и письменный текст присяги, который должным образом хранился в дворцовом храме. Он срывающимся от слез голосом одно за другим повторяет священные слова присяги. И только после этого на паперти самолично сообщает присутствующим о смерти отца.

В столице после получения известие о смерти монарха «старшим» среди Романовых оказался великий князь Николай Павлович. О содержании завещания Александра I он явно не знал, иначе его действия в тот день были бы совсем иными. Сам же без промедления приносит в дворцовой церкви присягу верноподданного цесаревичу Константину, собирает Государственный совет, чтобы лично привести его к присяге. Присягу приносят гвардейцы, которые в тот день несли караул в Зимнем дворце. Отдаются распоряжения о приведении к присяге полков лейб-гвардии.

Распорядившись таким образом, он приходит к матери и с гордостью сообщает ей о выполнении своих династических обязательств в столь трагический для Романовых день. От услышанного та с трудом приходит в себя и (скорее всего) в ужас восклицает:

– Николай, что вы наделали? Разве вы не знаете о существовании завещания, где вы названы будущим наследником?

Сын ответил матери с поразительной для того дня невозмутимостью:

– Если такой документ и существует, то мне он неизвестен, никому не известен. Но все мы знаем, что наш господин, наш государь – это мой брат Константин, и мы выполнили свой долг: будь что будет.

С приведением Государственного совета к присяге Константину Павловичу вышла известная заминка. Его члены уже вскрыли секретный пакет с завещанием и в смятении предстали перед Николаем Павловичем, чтобы явить ему волю усопшего императора. Выслушав сановников, великий князь поднимает правую руку и, тыча указательным пальцем в потолок, сдерживая слезы, произносит:

– Господа, я вас прошу, я вас умоляю, для спокойствия государства последовать моему примеру и примеру армии и присягнуть Константину. Я не приму никакого другого предложения и не хочу ни о чем другом слышать.

Вельможи были в полной растерянности от такого монолога законного наследника престола. У кого-то из них на глазах появляются слезы, кто-то в восторге от услышанного восклицает:

– Это благородный подвиг, ваше величество!

Николай Павлович с пафосом отвечает на такое восклицание:

– Здесь нет никакого подвига! Мое поведение вызвано лишь желанием выполнить священный долг по отношению к старшему брату. Никакая земная сила не изменит моего мнения на этот счет. Я не последую ничьему совету и не вижу в этих обстоятельствах ничего заслуживающего поздравлений.

Он ведет членов Государственного совета, умудренных годами вельмож и военачальников, к своей матери Марии Федоровна. Та, одетая уже во все белое, встречает их в слезах. Первыми словами императрицы-вдовы Павла I были:

– Я знала, что мой сын Константин отказался от престола, от высшей власти. Я не могу не одобрить поведение Николая, первым присягнувшего старшему брату. Это благородно с его стороны.

Собравшись с мыслями, Мария Федоровна сказала Николаю в присутствии молчаливо стоявших в трепетном ожидании членов Государственного совета:

– Николай, я за сегодняшний день второй раз умоляю вас подчиниться воле усопшего государя. Примите корону империи – она ваша по праву завещания родителя вашего.

Но сын ответил матери достаточно твердо:

– Я не могу этого сделать. Моя присяга уже известна всей столице. Наш новый император – Константин I, мой старший брат...

О событиях того дня великий князь Николай Павлович пишет И.И. Дибичу 28 ноября: «...Все последовало моему примеру; гвардия, город, все присягнуло; я сам привел Совет к присяге при себе. Все спокойно и тихо, одни мы, несчастные, безутешные, остались сироты!..»

Первый день междуцарствия не предвещал никакой смуты в столице. Пока в Зимнем дворце происходили такие события, город был спокоен и его жители знали, что в России в далеком Таганроге ушел из жизни император Александр I, а трон занимает его меньший брат Константин I, давно живущий на земле польской, в Варшаве.

Государственный секретарь Оленин в своих малоизвестных мемуарах описал отходящий ко сну Санкт-Петербург в таких словах:

«Кроме горящих фонарей на улице, я ни в одном доме огня не видел и, кроме моей кареты, никакого другого экипажа не слышал; не видно было даже ни одного конного или пешехода, только слышался глухой стук колес моей кареты и бег моих лошадей и изредка перекличка часовых и ночных стражей».

3 декабря Николай Павлович шлет в Варшаву Константину Павловичу, который не дает о себе знать, как монарх, личное письмо. Оно (написанное на французском языке) было такого содержания:

«Припадая к стопам вашим, как брат, как подданный, я молю вас о прощении, о благословении, дорогой Константин; решайте мою судьбу, приказывайте вашему верному подданному и рассчитывайте на его беспрекословное послушание...»

Вы имеете мою присягу, я ваш подданный, я могу лишь покоряться и повиноваться вам; я сделаю это, потому что таков мой долг, ваша воля, моего владыки, моего государя, и который никогда не перестанет быть им для меня...»

Но Константин Павлович, ранее не «изъявлявший» желания получить императорские скипетр и корону, не спешил с официальной присягой младшему брату. К нему «летит» самый младший из Павловичей – великий князь Михаил. Император Николай I в своих «Записках» свидетельствовал десять лет спустя:

«Мы были в ожидании ответа Константина Павловича на присягу, и иные ожидали со страхом, другие – и я смело ставлю себя в число последних – со спокойным духом, что он велит. В сие время прибыл Михаил Павлович. Ему вручил Константин Павлович свой ответ в письме к матушке и несколько слов ко мне. Первое движение всех – а справедливое нетерпение сие извиняло – было броситься во дворец; всякий спрашивал, присягнул ли Михаил Павлович.

– Нет, – отвечали приехавшие с ним.

Матушка заперлась с Михаилом Павловичем; я ожидал в другом покое – и точно ожидал решения своей участи. Минута неизъяснимая. Наконец, дверь отперлась, и матушка мне (на французском) сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.